

© 2011 г. Б.А. УСПЕНСКИЙ

ДЕЙКСИС И ВТОРИЧНЫЙ СЕМИОЗИС В ЯЗЫКЕ

В статье уточняется понятие дейксиса. Особое внимание уделяется рассмотрению так называемого «вторичного дейксиса», который не связан непосредственно с речевой ситуацией и представляет собой трансформацию первичного дейксиса (т. е. дейксиса в собственном смысле) в особом речевом режиме.

1.1. Человеческая коммуникация так или иначе основывается на естественной диалогической речи, которая может экстраполироваться на иные сферы коммуникационной деятельности. Диалогическая речь не предполагает обязательный обмен репликами между участниками коммуникации, но предусматривает саму возможность такого обмена (которая может реализоваться или же не реализоваться в действительности); в этом смысле в рамках диалогической речи оказывается возможен монолог, так же как и спорадические элементы наррации. Вместе с тем диалогическую речь как таковую характеризует направленность на диалогическое общение, предполагающая регулярный обмен репликами и исключая элементы монолога и наррации: монолог и наррация возможны в рамках диалогической речи, не будучи присущи диалогической речи в собственном смысле. Диалогическая речь определяет так называемую каноническую речевую ситуацию, когда есть говорящий и слушающий, которые связаны единством места и времени, имеют общее поле зрения и могут видеть жесты и мимику друг друга¹; наиболее важным при этом является наличие говорящего и слушающего, объединенных временем речевого акта.

Разнообразные формы лингвистической активности, т.е. владения языком, не ограничиваются диалогическим общением, но в существенной степени базируются на нем. При этом могут различаться первичные значения, проявляющиеся именно в условиях диалогической речи, и вторичные значения, которые реализуются в других условиях, но объясняются из первичных.

Это явление отчетливо проявляется на примере дейксиса. В собственном смысле слова дейксис представляет собой явление диалогической речи, предполагающей участие говорящего и слушающего, меняющих свои позиции в процессе общения (см. ниже, § 1.2); вместе с тем существует так называемый «вторичный дейксис», который не связан непосредственно с речевой ситуацией и представляет собой трансформацию первичного дейксиса в особом речевом режиме; «вторичный дейксис» – это явление вторичного семиозиса². Мы будем называть этот режим «режимом вторичного дейкси-

* Автор считает своим долгом выразить признательность Е.В. Падучевой и В.М. Живову, которые ознакомились с данной работой в ее предварительной версии; их советы и замечания оказались очень полезными при ее окончательном редактировании.

¹ См. [Lyons 1977: 637 (§ 15.1)]; ср. [Падучева 1995/2009: 527].

² Вторичный семиозис предполагает не непосредственное соотнесение формы с содержанием, а соотнесение ее через другой знак (при этом образуется цепочка: знак знака..., см. [Uspensky 1976: 80–82 (примеч. 34)]).

са»; в тех же случаях, когда дейксис непосредственно связан с речевой ситуацией, мы будем говорить о «речевом режиме» или «режиме первичного дейксиса».

В первой части данной работы мы будем говорить о дейксисе как таковом, т. е. «первичном дейксисе», и всегда иметь в виду диалогическую речь (даже если это специально каждый раз не оговаривается). «Вторичный дейксис» рассматривается во второй части работы.

1.2. Дейктическими принято называть слова, которые соотносятся со своими обозначаемыми не непосредственно, но в процессе коммуникации, т. е. не в языке, а в речи, – иначе говоря, через речевой акт.

В обычном случае слова относятся в нашем сознании к некоторой реальности – актуальной или виртуальной³ – независимо от процесса коммуникации. Так, например, слово *стол* служит для обозначения любого члена открытого класса отождествляемых объектов, которые ассоциируются на основании тех или иных характеристик. Такого рода классификация представлена в языке, которым мы пользуемся, – независимо от того, имеет ли место процесс коммуникации, т. е. в отвлечении от речевой деятельности⁴.

Дейктические слова между тем непосредственно относятся к акту коммуникации и только опосредованным образом – через речевой акт – соотносятся с той реальностью (актуальной или виртуальной), которая является предметом коммуникации⁵. Эти слова не обладают абсолютно независимым содержанием, в полной мере абстрагированным от акта коммуникации⁶.

Итак, явление дейксиса состоит в том, что слово соотносится со своим обозначаемым через указание (эксплицитное или имплицитное) на речевой акт; таково общее определение дейксиса (основывающееся на диалогической речи). Указание на речевой акт осуществляется в диалогической речи как ориентация на актуального или потенциального говорящего⁷.

³ Актуальная реальность представлена денотатами, виртуальная – значениями (в специальном семиотическом смысле этого слова).

⁴ Обсуждая вопрос существования языка, В. Пизани писал, что, когда двести юкагиров «спят и не видят снов» (предполагается, что все население юкагиров состоит из двухсот человек), язык их перестает существовать и может прекратить свое существование, если по какой-либо причине юкагиры перестанут просыпаться ([Pisani 1953: 24]; см. также [Косериу 1963: 157]). Мы полагаем, напротив, что язык как модель мира, будучи продуктом коммуникации, существует и вне акта коммуникации, независимо от нее.

Ср. в этой связи различное понимание времени в разных культурных традициях: время может мыслиться как нечто абстрактное и лишь внешним образом связанное с миром, т. е. условная масштабная сетка, с которой соотносятся происходящие события; или же, напротив, как нечто конкретное и в принципе неотъемлемое от меняющегося мира и происходящих в нем событий (ср., в частности, различие линейного и циклического времени). В первом случае время может мыслиться отдельно от мира, как нечто в принципе от него независимое: мир может перестать существовать, но это не означает исчезновения времени; во втором случае конец мира с необходимостью означает исчезновение времени – предполагается именно, что если мир прекратит свое существование, «времени уже не будет» (Откр. X, 6). См. [Успенский 1988–1989/1996: 44–45].

⁵ В частности, только через речевой акт они соотносятся со своими денотатами. В обычном случае связь между словами и денотатами – иначе говоря, идентификация предметов или явлений – осуществляется через значения.

⁶ Ср. наименование местоимений (т. е. наиболее типичных дейктических слов) в санскрите: *sarvanama* ‘имя для всего’ (ср. [Greenberg 1986: XVII]). Тем самым подчеркивается, что в системе коммуникации (в языке) местоимения могут обозначать самые различные объекты, при том что в акте коммуникации (в речи) они приобретают конкретное содержание.

⁷ Указание на участника речевого акта выступает как необходимое, но не достаточное условие для определения дейксиса. Так, при указании на говорящего субъекта совсем не обязательно имеет место дейктическая референция, т. е. соотнесение значения слова с речевым актом. В самом деле, указание на говорящего может содержаться в словах, выражающих субъективную модальность (ср., например, такие вводные слова, как *к сожалению*, *вероятно* и т. п.) или оценочную

Различение актуального и потенциального говорящего в принципе отвечает различению 1-го, 2-го и 3-го лица (*я, ты и он, она, оно*).

Я обозначает актуального говорящего в актуальном дискурсе (*я* – это тот, кто говорит). *Ты* обозначает потенциального говорящего в актуальном дискурсе (*ты* – это тот, кто может стать говорящим в данном диалоге). *Он, она и оно*, если эти слова относятся к лицу, обозначают потенциального говорящего в потенциальном дискурсе (это те, кто в данный момент находятся вне ситуации коммуникации, не участвуют в диалоге, но в принципе – при известных условиях – могли бы стать его участниками)⁸.

Диалогическая речь характеризуется возможностью смены ролей между участниками коммуникации, когда в процессе диалога говорящий превращается в слушающего, а слушающий в говорящего, или же когда тот, о ком идет речь, становится слушающим, что дает ему возможность затем принять участие в коммуникации (т.е. стать говорящим). При этом тот, кто назывался *я*, начинает обозначаться как *ты* или же *он* (или, соответственно, *она, оно*); тот, кто назывался *ты*, начинает именоваться *я* или же *он* (*она, оно*); тот, кто назывался *он* (*она, оно*), начинает называться *я* или *ты* и т. п.⁹

Именно это явление лежит в основе употребления личных местоимений, которые образуют ядро дейктических слов: в самом деле семантика всех дейктических слов включает в себя референцию (референциальное указание), представленную в личных местоимениях (см. ниже, § 1.5).

1.3. Поскольку коммуникация осуществляется говорящим, дейксис обычно (чаще всего) предполагает ориентацию именно на говорящего. Вместе с тем в каких-то случаях может иметь место и ориентация на других возможных участников коммуникации (которые выступают при этом как потенциальные говорящие, см. выше, § 1.2).

Принято различать вообще две системы пространственного дейксиса: «distance-oriented» и «person-oriented». В первом случае имеет место ориентация на говорящего, т. е. различается относительная степень близости к говорящему (ср. русск. *здесь и там, этот и тот* и т. п.)¹⁰. Во втором случае имеет место ориентация не только на говорящего, но и на других участников коммуникации, ср. япон. *kore* ('это' – близкое к говорящему), *sore* ('то' – близкое к слушающему), *are* ('то' – далекое как от говорящего, так и от слушающего) или *kono* ('этот' – близкий к говорящему), *sono* ('тот' – близкий к слушающему), *ano* ('тот' – далекий как от говорящего, так и от слушающего)¹¹.

позицию (ср., например: *Германская война и разные там окопчики – все это теперь, граждане, на нас сказывается*. М.М. Зощенко. «Четыре дня»). Такого рода слова, безусловно, ориентированы на говорящего субъекта, но при этом не имеют дейктического значения постольку, поскольку в подобных случаях не имеет места соотнесение слова с обозначаемым через акт коммуникации (что и является определяющим признаком дейксиса).

Речь идет о так называемых эгоцентрических элементах в языке («egocentric particulars», см. [Russel 1940: 134]). Ср.: «Эгоцентрическими называются слова, в смысл которых входит отсылка к говорящему» ([Падучева 1997/2009: 451]; см. также [Падучева 2001/2009: 464]); они охватывают как область дейксиса (ограниченную ориентацией на актуального говорящего), так и область субъективной модальности (ср. [Падучева 1995/2009: 525]). См. еще в этой связи [Падучева 2008: 274].

⁸ См. подробнее [Успенский 2007: 17–22]. Отвлекаемся от случаев, когда местоимение 3-го лица обозначает неличный объект (см. обсуждение вопроса [Там же: 37–39]).

⁹ См. подробнее [Там же: 20–21, 34, 48, 89–90 (примеч. 135), 102, 112].

¹⁰ Степень близости к говорящему может определяться при этом не объективными характеристиками, а психологией говорящего, т.е. свойственным ему релятивистским восприятием пространства (см. [Апресян 1986/1995: 636–637]). В дальнейшем, говоря о пространственном дейксисе, мы специально это не оговариваем.

¹¹ См. [Anderson, Keenan 1985: 282–284]. Примеры ориентации на 3-е лицо здесь не приводятся (вопреки утверждению, высказанному в работе [Bhat 2004: 14]).

В языке самаль группы моро (архипелаг Сулу, Филиппины) представлено четыре дейктических выражения для значений 'near me', 'near you', 'near other participants in our conversation', 'away from all of the above'. Вот как комментирует Ч. Филмор различие между последними двумя случаями: «... If A is talking to B, and C is a part of their conversational group, A will use one deictic category for locating things which are near C; if C is not a part of the conversational group, as might be the case if he has fallen asleep or if A and B are whispering or if C has picked up a newspaper or has started talking to somebody else, then A must use the fourth place-deictic category instead of the third»¹². Таким образом, здесь различаются две дейктические референции, относящиеся к 3-му лицу (при условии, что 3-е лицо обозначает человека): случай, когда человек присутствует при разговоре и легко может в него включиться, и случай, когда он временно выключен из разговора, но в принципе может в него включиться. В обоих случаях человек, о котором идет речь, рассматривается как потенциальный участник разговора¹³.

Последовательная и формально выраженная дейктическая ориентация на 3-е лицо представляет собой, по-видимому, относительно редкий случай в типологии языков. Вместе с тем такого рода явление зафиксировано в языках, которые недостаточно изучены; по необходимости приходится опираться на сведения об этих языках, полученные из вторых рук. Следует иметь в виду при этом, что под ориентацией на 3-е лицо иногда имеется в виду то, что в действительности выражает предельную удаленность от говорящего¹⁴.

1.4. В целом ряде случаев одно и то же слово может предполагать ссылку на 1-е, 2-е или 3-е лицо при том, что только из контекста можно понять, чья именно речевая перспектива имеется в виду. В этих случаях также имеет место ориентация на актуального или потенциального говорящего, но в отличие от рассмотренных выше примеров (см. § 1.3) эта ориентация не получает формального выражения. Можно считать, что в этих словах содержится указание на речевой акт, хотя оно является имплицитным: указание на речевой акт реализуется в такого рода случаях не в тексте, а в контексте фразы. Таким образом эти случаи подпадают под предложенное выше определение дейксиса (см. § 1.2) и, значит, соответствующие слова могут быть квалифицированы как дейктические.

Действительно, эти слова не обладают абсолютно независимым содержанием, в полной мере абстрагированным от акта коммуникации. Их референтное значение определяется имплицитным указанием на актуального или потенциального говорящего, т. е. на 1-е, 2-е или 3-е лицо: кто говорит, с кем говорят или о ком говорят. Можно сказать, что идентификация объекта (события) – связь между словом и денотатом – выражается при этом через речевой акт, а именно, через отношение к его участникам.

Если в примерах, рассмотренных ранее (в § 1.3), дейктическая ориентация на 1-е, 2-е или 3-е лицо находит формальное выражение в языке, то сейчас речь идет о случаях, когда она осуществляется исключительно в речи и – без какой бы то ни было дифференциации на собственно языковом уровне.

¹² [Fillmore 1975: 43] (со ссылкой на информацию, полученную от У. Джогана).

¹³ Ориентацию на 3-е лицо как на потенциального участника коммуникации следует отличать от случаев «вторичного дейксиса», не связанного с диалогическим общением, которые могут предполагать (особенно в нарративном тексте) соотнесение с 3-м лицом: в этом случае 3-е лицо не обозначает потенциального участника коммуникации. См. ниже, § 2.6 и 2.7.

¹⁴ Так, в сербохорватском языке различаются три указательных местоимения: *ovo*, *to* и *ono*, и говорят *ovo meni* 'это мне', *to tebi* 'то тебе', *ono njemu* 'вон то ему'; по мнению Дж. Гринберга, здесь представлено эксплицитное соотнесение указательных местоимений с 1-м, 2-м и 3-м лицом (см. [Greenberg 1986: XX]), в действительности же здесь имеет место дифференциация по степени удаленности от говорящего, которая окказионально может совпадать с различием 1-го, 2-го и 3-го лица.

Иллюстрацией сказанного могут служить такие слова, как *вперед*, *назад* или *направо*, *налево*. Обычно (по умолчанию) эти слова предполагают ориентацию на говорящего. Вместе с тем нетрудно представить себе ситуацию, когда их употребление ориентировано на слушающего или на кого-то, кто не является ни говорящим, ни слушающим.

Пример ориентации на слушающего приводит К. Бюлер: «Если я предстану перед строем гимнастов в качестве тренера, то я буду выбирать команды *вперед*, *назад*, *направо*, *налево* <...> в соответствии не со своей, а с чужой системой ориентации. И этот перевод столь прост психологически, что любой фельдфебель им овладевает»¹⁵. Между тем в такой фразе, как *Он повернул направо*, слово *направо* может относиться как к говорящему, так и к 3-му лицу¹⁶.

Сказанное относится, в частности, к так называемым «релятивным словам», т. е. именам с посессивной валентностью (их можно было бы также называть, по-видимому, «словами неотчуждаемой принадлежности»). Имеются в виду слова, которые обозначают объект через отношение к какому-то лицу, являющемуся его обладателем: употребление таких слов подразумевает указание на обладателя обозначаемого объекта.

Типичным примером «релятивных слов» служат имена родства: денотатом слова *отец* в речи всегда является чей-то отец, денотатом слова *мать* – чья-то мать и т. п.¹⁷, т. е. употребление этих слов предполагает ссылку (эксплицитную или имплицитную) на то лицо, по отношению к которому данный субъект может быть назван соответствующим образом, т. е. по отношению к которому он является ‘отцом’ или ‘матерью’.

Так, фраза *Я говорил с папой* двусмысленна: слово *папа* может относиться как к говорящему, так и к его собеседнику (слушающему). Между тем фраза *Он говорил с папой* еще более двусмысленна: это слово (*nana*) может относиться к говорящему, к слушающему и к 3-му лицу, обозначенному местоимением *он*.

Итак, в только что рассмотренных русских примерах имеет место ориентация на лицо, но эта связь не выражена формально: та или иная ориентация определяется исключительно контекстом высказывания. Можно считать, что в подобных случаях имеет место **дейктическая омонимия**.

1.5. В соответствии с вышесказанным дейкис всегда предполагает указание на лицо – в диалогической речи им является один из участников коммуникации, – которое может выступать как точка отсчета при определении называемого явления (объекта, действия или состояния). В случае личных местоимений это указание не сопровождается никакой дополнительной информацией (помимо той, которая содержится в самой местоименной форме¹⁸). Во всех прочих случаях дейктическая референция содержит ту или иную информацию, которая определяется (в диалогической речи) именно через указание на актуального или потенциального участника коммуникации, т. е. предполагает ориентацию на 1-е, 2-е или 3-е лицо.

Лицо, на котором сосредоточивается дейктическая референция, определяет **дейктический центр** соответствующего участка текста.

¹⁵ [Бюлер 1993: 95 (гл. II, § 7)].

¹⁶ Эти слова могут иметь также недейктический смысл, не будучи соотнесены с участниками коммуникации, но об этом будет сказано ниже (см. *Экскурс* к наст. работе).

¹⁷ Отвлекаемся от случаев, когда денотатами этих слов являются не люди, а слова, например, когда денотатом слова *отец* является само это слово и т.п., как это имеет место во фразе ‘*Отец*’ обозначает родителя мужского пола; в подобных случаях слово *отец* может быть поставлено в кавычки. Р.О. Якобсон определяет это явление как «message referring to the code», т.е. сообщение, направленное на код [Jakobson 1957/1971: 130–133; Якобсон 1972: 95–98].

¹⁸ Так, например, если местоимения 1-го и 2-го лица обычно не различаются по роду, то в 3-м лице такое различие нередко имеет место; в некоторых языках (в частности, семитских) различие по роду наблюдается и во 2-м лице; наконец, существуют языки, где различие по роду представлено в местоимениях неединственного числа – во всех трех лицах. См. [Bhat 2004: 13].

Так осуществляется идентификация называемого события¹⁹, которая дает возможность слушателю воссоздать ситуацию, стоящую за данной фразой: слушатель должен установить, о каком лице идет речь (1-м, 2-м или 3-м), и соотносить с этим лицом называемый объект, действие или состояние. Как мы уже отмечали (см. § 1.4), под идентификацией имеется в виду связь между словом и денотатом.

1.6. В наиболее типичном случае указание на лицо сопровождается указанием на время и место; так задаются пространственно-временные координаты, в рамках которых описываются сообщаемые события²⁰. Вообще время и место предстают как основные параметры в высказывании (характеризующие явление, о котором идет речь).

Таким образом, временные и пространственные характеристики определяются относительно того или иного участника коммуникации, т.е. оказываются представленными в его перспективе. Иначе говоря, указание на лицо (в том случае, когда оно формально выражено) дается непосредственно, тогда как указание на время или место события (явления), о котором идет речь, производится через указание на лицо.

Примером могут служить, с одной стороны, указательные местоимения, такие как *этот* и *тот*, *здесь* и *там*, *вот* и *вон*, и т. п., где в диалогической речи представлена пространственная перспектива говорящего, с другой же стороны – личные глагольные формы (в русском или целом ряде других языков), которые содержат указание на отношение описываемого действия или состояния к моменту речи; это указание, в свою очередь, определяется временной перспективой говорящего²¹.

Временные характеристики более характерны для дейксиса, нежели характеристики пространственные: показательно, что дейктические временные характеристики получают формальное (грамматическое) выражение в грамматических категориях времени и вида (относительно категории вида см. ниже, § 1.8). Это обстоятельство, возможно, связано с принципиальным различием времени и места при коммуникации: говорящий и слушающий в нормальном случае существуют в одном и том же времени, но при этом

¹⁹ Понятие идентификации иногда ложится в основу определения дейксиса. Ср.: «*Дейктическим* называется такой элемент, который выражает идентификацию объекта – предмета, места, момента времени, свойства, ситуации – через его отношение к речевому акту, его участникам или контексту. <...> Конституирующим признаком дейксиса <...> служит то, что у дейктических слов обращение к контексту речевого акта работает на нужды идентификации (объектов, моментов времени, участков пространства и проч.)» [Падучева 1996: 245–246]. Ср. также: «By deixis is meant the location and identification of persons, objects, events, processes and activities being talked about, or referred to, in relation to the spatiotemporal context created and sustained by the act of utterance and the participation in it, typically, of a single speaker and at least one addressee» [Lyons 1977: 637, § 15.1].

²⁰ Иногда указание на время и место признается основной функцией дейксиса, ср., например: «The notion of *deixis* <...> is introduced to handle the “orientational” features of language which are relative to the time and place of utterance» [Lyons 1968: 275]. Ср. также: «...The basic function of deixis is to relate the entities and situations to which reference is made in language to the spatio-temporal zero-point – the here and now of the context of utterance» [Lyons 1982: 121]. Иное – несколько более содержательное – определение того же автора мы цитируем выше (в примеч. 19).

К. Бюлер определял дейксис как «указательное поле», представляющее собой пространственно-временную систему координат, построенную относительно субъекта восприятия [Бюлер 1993: 74–135].

²¹ В случае личных местоимений указание на лицо представлено в чистом виде, не будучи осложнено дополнительной информацией о месте и времени (ср. выше, § 1.5). Указательные местоимения содержат такую информацию. Что же касается личных глагольных форм, то они обладают еще независимым лексическим значением (оно представлено и в неличных формах, например, в форме инфинитива), которое, как правило, непосредственно не связано с процессом коммуникации, абстрагировано от него.

Можно полагать, что указание на лицо содержится и в безличных глагольных формах, таких как *вечерело*, *смеркалось* и т.п. Здесь представлен, по-видимому, нулевой знак (нулевое указание на лицо).

они находятся в разных местах, которые могут объединяться или же противопоставляться одно другому. Слушающий может включаться в пространство говорящего или же выключаться из него; иначе говоря, пространство слушающего может объединяться с пространством говорящего (например, когда мы говорим *вот здесь у тебя...* и т. п.) или же противопоставляться ему (например, когда мы говорим *вон там у тебя...*).

Таким образом временные характеристики непосредственно связаны с говорящим и всегда имеют к нему отношение; в случае же пространственных характеристик может иметься в виду либо точка зрения говорящего, либо противопоставленная ему точка зрения слушающего. Поэтому ориентация на слушающего возможна лишь при пространственном дейксисе и не может иметь место при дейксисе временном.

Пространственно-временной дейксис выражается не только в грамматических показателях (таких, как показатели вида и времени) или словах, лишенных собственного лексического значения (как это имеет место в случае местоимений). Указание на пространственную или временную перспективу участника коммуникации может проявляться и непосредственно в лексике: существуют слова, в семантике которых определенным образом задана соответствующая дейктическая референция. Такими словами являются, например, *вчера* или *сегодня*, которые выражают временную перспективу говорящего; или же такие слова, как *правый* или *левый*, *впереди* или *сзади*, которые обычно (хотя и не всегда) выражают его пространственную перспективу²².

Другим примером ориентации на пространственную перспективу участника коммуникации может служить английское *to come*, в отличие от русского *прийти* или *приехать*: в диалогической речи английский глагол предполагает присутствие говорящего или слушающего в месте назначения. Так, например, фраза *John is coming to the shop tomorrow* предполагает, что говорящий или слушающий либо находится, либо будет находиться в месте, о котором идет речь; эта импликация не имеет места, между тем в соответствующей русской фразе *Джон завтра придет в магазин*. Совершенно так же фраза *John came to the shop yesterday* возможна как в том случае, если говорящий или его собеседник находится в магазине, так и в том случае, если они находятся в другом месте, но кто-то из них был там вчера²³.

²² Эти слова могут выступать также в недейктическом значении (безотносительно к точке зрения участников коммуникации). См. ниже, *Экскурс* к наст. работе.

²³ Ср.: «... It is necessary to distinguish the coding time, roughly, the time of the speech act, from the reference time, the point or period of time that is being referred to or focused on in the sentence. <...> We can see how both of these types of temporal concepts can figure in the description of a single sentence by considering the sentence *John was here last Tuesday*. The reference time is reflected in the choice of tense of the verb and is indicated by the phrase *last Tuesday*. The coding time is involved in the interpretation of *last Tuesday* as, (say) the Tuesday of the calendar week which precedes the moment of speech, and in the interpretation of *here* as meaning 'the place where the speaker finds himself at the time of pronouncing the sentence'.

The role of deictic categories in the interpretation of sentences with our verb *come* may be observed with sentences of the form:

X came to Y at T

where *X* is the moving entity, *Y* is the destination, and *T* is the reference time. <...> It happens that sentences of the form *X came to Y at T* are appropriate just in case any of the following conditions obtains:

- (1) The speaker is at *Y* at coding time
- (2) The addressee is at *Y* at coding time
- (3) The speaker is at *Y* at reference time (*T*)
- (3) The addressee is at *Y* at reference time (*T*)

To see that this is so, take *John*, *the office*, and *yesterday morning* as values of *X*, *Y* and *T* respectively. A sentence like *John came to the office yesterday morning* is appropriate under any of the four conditions just indicated. That is, it is a sentence that I can say appropriately if I am in the office when I say it, if you are in the office when I say it to you, if I was in the office yesterday morning when John came, or if you were in the office yesterday morning when John came» [Fillmore 1975: 9–10], cp. подробное рассмотрение вопроса [Там же: 50–69].

Дейктические слова со значением пространственного указания могут выступать вне дейктического контекста, т. е. иметь абсолютный, а не относительный смысл (см. *Экскурс* к наст. работе).

1.7. Указание на пространственную или временную перспективу участника коммуникации представляет собой типичный, но отнюдь не единственный случай дейктической референции. Примером дейктической референции, не связанной непосредственно с пространственно-временными параметрами высказывания, может служить указание на определенность упоминаемого объекта. Грамматическим средством выражения определенности служит определенный артикль; сходную роль играют местоименные дефиниции, такие как *этот* и *тот* (которые различаются при этом по степени удаленности от говорящего)²⁴. Действительно, определенность объекта, как правило, детерминирована точкой зрения того или иного участника коммуникации.

Отметим, что определенный артикль, в отличие от указательных местоимений, обычно предполагает ориентацию на адресата. Так, определенный артикль в обычном случае указывает, что говорящий предполагает способность слушающего идентифицировать объект, о котором идет речь²⁵. Если я говорю, например, *the car*, это, по-видимому, должно означать, что мой собеседник знает, о какой машине я говорю; напротив, я должен сказать *a car*, если имеется в виду машина, которую я купил, но слушающий, как я полагаю, не слышал об этом раньше. Если я ищу свою любимую ручку, я должен спросить *Haven't I left a pen here?* или *Haven't you seen a pen?*, отвлекаясь от того, что этот объект обладает для меня самого свойством определенности.

1.8. Дейктическая референция может иметь модальный характер, выражая личностное отношение к упоминаемому явлению; речь идет об идентификации явления, которое имеется в виду, не просто в системе пространственных и временных координат, но именно в рамках личностного отношения – иначе говоря, о включении описываемого явления в личную сферу участника коммуникации²⁶.

Так, временные характеристики могут выражаться как грамматической категорией времени (не имеющей модального смысла), так и грамматической категорией вида (связанной с выражением модальности). Категория времени в диалогической речи относится к речевому акту: временная форма глагола так или иначе соотносится с моментом речи и, следовательно, представляет собой дейктическое слово. Между тем категория вида определяется включением или же, напротив, невключением упоминаемого события в сферу личного времени говорящего; тем самым вид также оказывается средством дейктической характеристики. Так, «в случае совершенного вида говорящий мыслит время события как образующее единое целое со своим временем, т.е. тем временем, в котором он мыслит себя. Одним из следствий этого обстоятельства является эффект сохранения результата действия в настоящем. В случае несовершенного общезначимого (*Он читал этот роман, Он уже ходил за хлебом, Кто открывал окно?*) говорящий мыслит время события как отличное от того времени, в котором в момент речи он мыслит себя»²⁷. Между тем в другом значении несовершенный вид описывает «действие, продолжающееся в то время, о котором говорится»²⁸. В любом случае действие в несовершенном виде не включено в сферу личного времени говорящего (будучи либо вообще с ним не связано, либо выходя за его пределы). В целом оппозиция совер-

²⁴ Указательные местоимения могут различаться в языке по степени близости к тому или иному участнику коммуникации (например: *этот* и *тот*); в этом случае они служат для выражения пространственного дейксиса. Вместе с тем, категория определенности сама по себе не выражает пространственных отношений.

²⁵ См. [Bhat 2004: 11].

²⁶ Ср. о личной сфере говорящего [Апресян 1986/1995: 644–647].

²⁷ [Там же: 637–638].

²⁸ [Дурново, I: с. 41 (§ 68)]. Ср. в этой связи [Успенский 2008: 852–854].

шенного и несовершенного вида предстает как противопоставление субъективного и внесубъективного (остраненного, абстрагированного) описания действия²⁹.

Равным образом личная сфера говорящего или слушающего проявляется в категории определенности: определенный артикль в принципе выражает включение в личную сферу участника коммуникации (обычно слушающего, ср. § 1.7), неопределенный артикль – выключение из нее. Такую же роль играют указательные местоимения, такие как *этот* и *тот*, *вот* и *вон* и т. п. (с той, однако, разницей, что здесь по преимуществу проявляется личная сфера говорящего, а не слушающего, ср. § 1.7).

2.1. До сих пор речь шла о так называемом первичном дейксисе или дейксисе в собственном смысле, который реализуется в естественных условиях диалогической речи (см. выше, § 1.1). Диалогическая речь характеризуется наличием говорящего (адресанта) и слушающего (адресата), предусматривая при этом возможность смены ролей между отправителем и получателем сообщения (см. выше, § 1.2). В соответствии с предложенным нами определением, явление дейксиса состоит в том, что слово соотносится со своим обозначаемым через указание на речевой акт, которое осуществляется как ориентация на актуального или потенциального говорящего (см. там же).

Существуют, однако, более специальные виды коммуникации, когда в процессе речевой деятельности имеет место – спорадически или последовательно – отвлечение от речевой ситуации. И в этих случаях соотнесение обозначения и обозначаемого осуществляется через указание на речевой акт, но этот речевой акт непосредственно не связан с речевой ситуацией, предусматривающей наличие говорящего и слушающего. В этих условиях дейктические слова не предполагают ориентации на актуального или потенциального говорящего, но функционируют особым образом: их употребление не основывается на речевой ситуации, но ее имитирует или, можно сказать, моделирует (воспроизводит). В подобных случаях принято говорить о вторичном дейксисе. Вторичный дейксис представляет собой преобразование дейксиса первичного при изменении параметров речевой деятельности. Речь идет об употреблении дейктических слов в ситуации, когда их появление непосредственно не мотивировано естественными условиями диалогической речи (предполагающими прежде всего наличие говорящего и слушающего, объединенных временем речевого акта).

О вторичном дейксисе целесообразно говорить в том случае, если позиция, с которой ведется описание, может быть представлена как определенная трансформация позиции говорящего (например, как позиция говорящего, переведенная в тот или иной режим).

Итак, различается первичный дейксис, или дейксис в собственном смысле, и вторичный дейксис, при котором соотнесение с речевым актом осуществляется непрямым (опосредованным) образом. В ситуации первичного дейксиса имеет место непосредственная ориентация на участника коммуникации (актуального или же потенциального), в наиболее типичном случае – на говорящего как субъекта речи, т.е. дейктические слова отсылают к реальным условиям порождения речи. В ситуации же вторичного дейксиса имеет место ориентация на речевую позицию или речевую роль (маску) говорящего, которая отличается от реальной позиции адресанта (говорящего или пишущего) как производителя речи. Соотнесение с речевым актом осуществляется при этом через какую-то промежуточную инстанцию, которая, в свою очередь, либо опосредованно соотносится с говорящим или, в более общих терминах, с создателем текста как реальным лицом, либо выступает как субститут говорящего, имитируя его поведение. В первом случае имеет место анафора или же катафора³⁰, во

²⁹ См. [Успенский 2008: 856].

³⁰ В случае анафоры (анафорического употребления слова) слово употребляется «не для прямого указания на объект или явление, а для отсылки к объекту или явлению, который уже был упомянут в предшествующем тексте» [Апресян 2004/2009: 489]. В случае катафоры (катафорического употребления слова) имеет место аналогичная отсылка к последующему тексту. При анафорическом или катафорическом употреблении производитель речи (говорящий или пишущий) меняет свою перспективу, принимая позицию, диктуемую предшествующим или последующим высказыванием.

втором случае субститутом говорящего оказывается герой повествования или же имплицитно присутствующий в нем (в повествовании) наблюдатель.

Таким образом, в режиме вторичного дейксиса может иметь место ориентация как на актуального говорящего (который принимает при этом какую-то виртуальную позицию, отличающуюся от его реальной позиции во время производства речи), так и на виртуального говорящего, который выступает как субститут реального говорящего, имитируя его поведение и принимая на себя, соответственно, функции действительного ориентира. Можно сказать, что вторичный дейксис представляет собой виртуальное указание на основные параметры речевого акта, притом что степень виртуальности может быть различной: виртуальность может актуализоваться либо полностью, либо частично.

2.2. Рассмотрим некоторые примеры вторичного дейксиса при анафорическом или катафорическом употреблении. В этом случае выбор речевой позиции может быть грамматически обусловлен в языке.

Так, время, выражаемое формой плюсквамперфекта, определяется не отношением действия или состояния к моменту речи (как это имеет место в случае первичного дейксиса), а отношением его к другому действию или состоянию, которое уже непосредственно соотносится с реальным временем речевого акта. Например, во фразе *I had finished my work when he came back* время, обозначаемое глагольной формой *had finished*, соотносено с временем, обозначаемым формой *came*, которое при этом соотносится с временем речевого акта. Форма *came* здесь выражает первичный дейксис, форма *had finished* – вторичный. Между тем в русском языке нет плюсквамперфекта и в соответствующей по смыслу фразе *Я окончил работу, когда он вернулся* оба глагола соотносены с временем речевого акта; мы можем только исходя из контекста догадываться о возможной временной соотношенности обоих действий – предшествовали ли они одно другому или произошли одновременно. Таким образом, в русской фразе оба глагола выражают первичный дейксис.

Если во фразе *He said that he wanted to go to the cinema* время, обозначаемое глагольной формой *wanted*, так же как и время, обозначаемое формой *said*, соотносено с временем речевого акта, то в соответствующей по смыслу фразе русского языка – *Он сказал, что хочет пойти в кино* – время, обозначаемое глагольной формой *хочет*, соотносится с временем, обозначаемым формой *сказал*, которое, в свою очередь, соотносено с временем речевого акта; иначе можно сказать, что настоящее время глагола *хочет* соотносится не с самой реальностью, а с текстом, который ее описывает³¹. В самом деле, настоящее время глагола *хочет* соотносится не с моментом речи, а с действием в прошлом, обозначенным глаголом *сказал*; таким образом обозначается н а с т о я щ е е в п р о ш е д ш е м³². В этих примерах в английской фразе оба глагола выражают первичный дейксис, тогда как в русской фразе мы имеем как первичный дейксис (в форме *сказал*), так и вторичный (в форме *хочет*).

Итак, в первом (английском) и в последнем (русском) примере представлен как первичный, так и вторичный дейксис: первичный дейксис предполагает непосредственное соотношение действительного слова с речевым актом, тогда как вторичный дейксис пред-

³¹ Если же употребить форму прошедшего времени *хотел* (*Он сказал, что хотел пойти в кино*), то она может выражать не одновременность (как это имеет место при употреблении соответствующих форм в английском языке – во фразе *He said that he wanted to go to the cinema*), а предшествование, т. е. форма прошедшего времени может выступать здесь в значении плюсквамперфекта.

³² Ср.: «Актуальный момент речи говорящего, с одной стороны, и момент речи (мысли, чувства, восприятия) того субъекта, которого имеет в виду говорящий (*Я думал, что он придет*), с другой, – это разные точки отсчета. Из них одна первична, а другая – производна. В случаях типа *Он думал, что еще успеет вернуться* явно представлен “вторичный дейксис”: говорящий как бы воспроизводит отношение времени действия к исходному пункту временной ориентации, но не со своей точки зрения, а с точки зрения того субъекта, о котором идет речь» [Бондарко 1998: 75].

полагает отсылку к слову, соотносённому с речевым актом, – иначе говоря, вторичный дейксис осуществляется в этих случаях через первичный.

Русской фразе *Я думал, что он придет* в итальянском языке соответствует фраза *Pensavo* (или: *Ho pensato*) *che lui sarebbe venuto*. В этих примерах глагол в главном предложении (в форме прошедшего времени) выражает первичный дейксис, а глагол в придаточном предложении – вторичный. Согласно норме итальянского языка, специальной формой для обозначения вторичного дейксиса в подобных случаях является форма «сослагательного прошедшего» (*condizionale passato*). В условиях первичного дейксиса (т.е. в речевом режиме, предполагающем возможность первичного дейксиса) эта глагольная форма имеет другое значение, а именно выражает неосуществившееся действие (ср., например: *Lui sarebbe venuto se non fosse ubriaco* ‘Он пришел бы, если бы не напился’). Между тем в русской фразе один глагол (в главном предложении) стоит в прошедшем времени, а другой (в придаточном предложении) в будущем, но это будущее определяется не по отношению к моменту речи, а по отношению к прошедшему времени, обозначенному в главном предложении: так выражается будущее в прошедшем (т.е. будущее время, представленное в перспективе прошедшего времени, с точки зрения прошлого состояния).

Заметим, что в разговорном итальянском языке форма «сослагательного прошедшего» в подобных случаях часто не употребляется и вместо нее в придаточном предложении используется – вопреки стандартным правилам итальянской грамматики – форма прошедшего времени изъявительного наклонения, т.е. вместо *Pensavo* (или: *Ho pensato*) *che lui sarebbe venuto* говорят *Pensavo* (или: *Ho pensato*) *che lui veniva*. Ср. также: *Giovanni ha detto che mi aiutava* ‘Джованни сказал, что мне поможет’ (вместо нормативного *Giovanni ha detto che mi avrebbe aiutato*) и т. п. В этих примерах оба глагола – в главном и придаточном предложениях – стоят в прошедшем времени, одинаковым образом выражая предшествование по времени по отношению к моменту речи (и формально не соотносясь друг с другом по времени); оба они выражают, таким образом, первичный дейксис. Мы можем понять соотносённость соответствующих действий только исходя из семантики глаголов, которыми они обозначены: формально эта соотносённость никак не выражена.

Итак, русские фразы, где вторичный дейксис относится к действию или состоянию, обозначенному глаголом в прошедшем времени, выражают смену временного регистра. Так, в фразе *Он сказал, что хочет пойти в кино* в придаточном предложении обозначается настоящее в прошедшем, а во фразе *Я думал, что он придет* – будущее в прошедшем. Такого рода примеры в принципе не сводятся к сложноподчиненным предложениям; такой же случай мы имеем при переходе на «настоящее историческое» (*praesens historicum*), когда после фиксации того, что описываемое действие происходило в прошедшем времени (что выражается формой глагола прошедшего времени) употребляется глагол настоящего времени, ср.: *Я пришел и говорю* и т. п.

Аналогичным образом во фразе *А если я приду, а он уже ушел?* прошедшее время глагола *уйти* (*ушел*) определяется не по отношению к моменту высказывания, а по отношению к форме в будущем времени (*приду*): по отношению к моменту речи слово *ушел* обозначает будущее действие. В этом случае перед нами прошедшее в будущем (т.е. прошедшее время, представленное при отправной точке в будущем – в перспективе будущего времени, с точки зрения будущего состояния). В обычном случае (в независимом употреблении) форма *ушел* выражает первичный дейксис, но в данном случае та же форма выражает вторичный дейксис.

Совершенно так же, наконец, выражается и настоящее в будущем, т.е. настоящее время, представленное в перспективе будущего времени. Ср., например: *А если я приду, а он там сидит?*

Теоретически мы могли бы ожидать специальных способов выражения – с помощью вторичного дейксиса – прошедшего в прошедшем, т.е. сверхпрошедшего времени (которое является прошедшим временем по отношению к другому прошедшему времени), и будущего в будущем, т.е. сверхбудущего времени (которое

является будущим по отношению к другому будущему времени), но в русском языке такие способы выражения не наблюдаются. Прошедшее в прошедшем, вообще говоря, выражается плюсквамперфектом, который как грамматическая категория отсутствует в русском языке. Фраза *Когда я пришел, Петя прочитал роман* может означать любую последовательность событий, т. е. мы можем понять эту фразу как в том смысле, что прочтение романа предшествует моему приходу, так и в том смысле, что приход предшествует прочтению; иначе говоря, как *пришел*, так и *прочитал* может соответствовать по своему значению плюсквамперфекту. То или другое понимание никак формально не обусловлено: мы вынуждены интерпретировать эту фразу, исходя из контекста.

Равным образом нельзя утверждать, что во фразах типа *А если я приду, а он уйдет?* выражается сверхбудущее время (будущее в будущем). Может показаться, что форма *уйдет* выражает действие в будущем времени по отношению к действию, выраженному формой *приду*, но этот эффект в данном случае не объясняется вторичным дейксисом. При сочетании нескольких глаголов в будущем времени, относящихся к разным субъектам, они, как правило, выражают последовательные действия, и именно поэтому слово *уйдет* относится к более позднему состоянию по отношению к действию, выраженному формой *приду*; здесь нет отсылки к временной перспективе, присущей вторичному дейксису в анализированных выше случаях.

В рассмотренных русских примерах вторичный дейксис образуется с использованием дейктических слов, которые в речевом режиме (т. е. режиме первичного дейксиса) имеют такое же значение. Фраза *Я думал, что он придет* предстает как объединение двух фраз с первичным дейксисом: *Я думал + Он придет*. Здесь используются те же значения дейктических слов, которые они имеют в независимом (автономном) употреблении: образование вторичного дейксиса происходит за счет смены временного регистра – иными словами, как результат изменения временной перспективы, – поскольку слово *придет* в интересующей нас фразе (*Я думал, что он придет*) относится не к настоящему времени (как это имеет место в ситуации первичного дейксиса), а к прошедшему. Таким образом, в ситуации вторичного дейксиса фигурируют те же формы (с тем же значением), что в независимом употреблении, но они представлены в другой временной перспективе. В речевом режиме временной дейксис ориентирован на настоящее время (которое совпадает с временем речевого акта). Если дейктическое слово предстает в иной временной перспективе – в перспективе прошедшего или будущего – возникает вторичный дейксис³³.

Иначе обстоит дело в соответствующих фразах английского, итальянского или других романо-германских языков: так, например, соответствующая итальянская фраза *Pensavo che lui sarebbe venuto* не представляет собой простого механического объединения фраз (*Io pensavo + Lui sarebbe venuto*, поскольку в независимом употреблении *sarebbe venuto* имеет другое значение (значение неосуществившегося в прошлом действия), чем в интересующей нас конструкции (*Pensavo che lui sarebbe venuto*).

Очевидным образом особенности русского словоупотребления связаны с отсутствием в русском языке *consecutio temporum*. Это явление (*consecutio temporum*) обычно понимают как согласование времен, в действительности же речь идет не о грамматическом согласовании как таковом, а об одинаковом отношении обозначаемых действий или состояний к моменту речи – иначе говоря, при этом имеет место не согласование времен, а соотносительность по времени. Отсутствие *consecutio temporum* является грамматической нормой в русском языке, и это создает возможность переключения временных регистров, что, в свою очередь, сообщает языку особые выразительные средства.

В приведенных примерах имеет место временное (грамматически обусловленное) отвлечение от речевой ситуации, предполагающей наличие говорящего и слушаю-

³³ Ср. еще более наглядное объединение такого рода: «...Трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее» (фраза Осипа из «Ревизора» Н.В. Гоголя, акт II, явл. 1): *Трактирщик сказал + Не дам вам есть...* Ср. обсуждение этого примера: [Пешковский 1935: 429; Волошинов 1929: 148 (примеч. 2); Успенский 1970/2000: 62–63].

щего; как мы отмечали, отвлечение от речевой ситуации присуще вообще вторичному дейксису, и это обстоятельство в полной мере относится к анафоре и катафоре (см. выше, § 2.1).

2.3. В других случаях появление вторичного дейксиса обусловлено нарративной стратегией говорящего или пишущего. Речь идет о случаях, когда говорящий или пишущий, отвлекаясь от реальной речевой ситуации (ср. выше, § 2.1), помещает в дейктический центр не себя самого и не другого участника коммуникации (как это имеет место в случае первичного дейксиса, см. выше, § 1.5), а какого-то своего представителя. Таким образом, дейктические слова – т.е. такие слова, которые в обычном случае (в речевом режиме, предполагающем возможность первичного дейксиса) ориентированы на актуального или потенциального говорящего, – оказываются ориентированными на какое-то лицо, которое замещает говорящего в повествовании и которому говорящий делегирует свои полномочия.

Итак, повествование строится в этих случаях относительно представителя говорящего, который отличается от говорящего, но выполняет его функции³⁴.

Это лицо может совпадать с героем повествования – с тем, о ком идет речь; в подобном случае соответствующий персонаж в какой-то мере принимает на себя функции субъекта речи, т. е. повествование на том или ином отрезке текста строится от его имени. Именно на данного персонажа и ориентированы в этом случае дейктические указания в тексте.

Но точно так же повествование может быть ориентировано и на некоего условного наблюдателя, который имплицитно присутствует в тексте, не совпадая ни с кем из действующих лиц. Дейктическая референция оказывается в этом случае направленной именно на этого наблюдателя.

Как в том, так и в другом случае имеет место ориентация повествования на некоторую фигуру, отличающуюся от говорящего, которая эксплицитно или имплицитно присутствует в тексте (т. е. либо прямо названа в тексте, либо может быть в нем опознана как своего рода виртуальная реальность, структурный конструкт).

Отметим, что если при первичном дейксисе возможна ориентация как на говорящего, так и на слушающего, а иногда также и на того, о ком идет речь (см. выше, § 1.3 и 1.4), в случае вторичного дейксиса персонаж или наблюдатель как объект дейктической референции замещает именно говорящего. Это понятно: вторичный дейксис предполагает отвлечение от речевой ситуации и здесь нет противопоставленных друг другу участников коммуникации (см. выше, § 2.1)³⁵.

Вторичный дейксис этого рода характерен для художественного нарратива. Вместе с тем рассматриваемое явление не сводится к литературному творчеству, когда имеет место по с л е д о в а т е л ь н о е отвлечение от речевой ситуации, т. е. вообще нет говорящего и слушающего, а есть автор и читатель (ср. ниже, § 2.9). Элементы наррации возможны и в общих рамках диалогической речи, когда имеет место с п о р а д и ч е с к о е (контекстно обусловленное) отвлечение от речевой ситуации – при наличии реальных говорящего и слушающего. Корректно говорить о противопоставлении речевого или

³⁴ Ср: «Субъект вторичного дейксиса – это лицо, которое в некоторых отношениях подобно говорящему. Мы называем говорящего субъектом первичного дейксиса, поскольку он имеет право идентифицировать объекты и участки пространства (так сказать, указывать их) через местоположение самого себя, а отрезки времени – через их отношение к своему настоящему моменту. В этом смысле Наблюдатель, субъект вторичного дейксиса, полностью подобен говорящему» [Падучева 2008: 275].

³⁵ Выше мы приводили примеры, когда одна и та же фраза имеет разный смысл, в зависимости от того, предполагается ли ориентация на 1-е, 2-е или 3-е лицо; в качестве примера фигурировала фраза *Я говорил с папой* – слово *папа* может относиться к говорящему, слушающему или к тому, о ком идет речь (см. § 1.4). Так обстоит дело в речевом режиме. Между тем в режиме вторичного дейксиса исключается ссылка на говорящего и слушающего и в такого рода фразах возможна только ссылка на того, о ком идет речь, т.е. на персонажа.

диалогического режима (при котором предполагается возможность смены ролей между участниками коммуникации, ср. выше, § 1.2) и нарративного режима (при котором имеет место отвлечение от речевой ситуации и тем самым исключается такая возможность, см. выше, § 2.1). Тем не менее, наиболее очевидным образом вторичный дейксис, ориентирующий повествование на персонажа или предполагающий имплицитное присутствие наблюдателя, представлен именно в литературных текстах, т. е. в художественном нарративе.

Приведем пример вторичного дейксиса в нарративе.

Мы говорили об условиях употребления английского глагола *to come* (см. выше, § 1.6). Этот глагол означает передвижение из одного места в другое (в место назначения). При этом предполагается дейктическая ориентация на точку зрения того или иного из непосредственных участников коммуникации – говорящего или слушающего: один из них либо находится в момент речи в том месте, к которому направлено передвижение (т. е. в месте назначения), либо находился там во время описываемого события, либо, наконец, будет (или предполагает) там находиться в то время, о котором идет речь. Так обстоит дело в обычной, диалогической речи, т. е. в речевом режиме, и при этом имеет место первичный дейксис. Но что происходит в нарративе, где нет участников коммуникации, которые соотносят друг с другом свои позиции (как это имеет место в речевом режиме)? В нарративном тексте ориентация на говорящего может быть заменена ориентацией на литературного героя (персонажа), с которым как бы ассоциирует себя в этот момент рассказчик, и, соответственно, мы можем сказать, например: *The thief came into her bedroom* (имея в виду точку зрения героини повествования)³⁶. В равной мере дейктическая ориентация может определяться точкой зрения имплицитного наблюдателя, который как бы незримо присутствует на месте действия. Так, например, высказывание *People kept coming and going all day* в диалогической речи предполагает присутствие говорящего или слушающего в том месте, куда приходили люди; между тем в нарративном тексте оно предполагает присутствие там героя рассказа или имплицитного наблюдателя³⁷.

Приведем пример вторичного дейксиса в рамках диалогической речи. Представим себе ситуацию телефонного разговора: один человек звонит другому и спрашивает: *Могу ли я поговорить с профессором NN?* У телефона оказывается при этом сам профессор NN. Как он может ответить?

По-английски, по-немецки или по-итальянски в ответе на вопрос такого типа естественно употребить местоимение 1-го лица, однако невозможно употребить местоимение 3-го лица, ср. англ. *This is me* (или *This is I*), нем. *Das bin ich*, итал. *Sono io*.

Напротив, по-русски в подобной ситуации можно употребить как местоимение 1-го лица (ср.: *Это я*), так и местоимение 3-го лица (ср.: *Это он* или *Он у телефона*). Эти две возможности есть и во французском языке, где на аналогичный вопрос можно ответить *C'est moi* или *C'est lui*³⁸.

Ср. также возможные ответы типа *Professor NN is speaking* или *Профессор NN слушает* и т. п.

Мы можем считать, что в подобных случаях представлена точка зрения постороннего наблюдателя, никак не соотношенная с реальными участниками коммуникации –

³⁶ См. [Fillmore 1975: 50, ср. 66–67; Падучева 2004: 375–376].

³⁷ Ср.: «Высказывание *John will come home at five* может быть сделано человеком, который не собирается быть дома у Джона. Процесс перемещения Джона к дому может быть ориентирован относительно другого наблюдателя, которого говорящий мыслит дома у Джона и которому он эмпатизирует» [Апресян 1986/1995: 633]. Как кажется, это замечание верно только в случае нарративного режима, когда имеет место вторичный дейксис. В речевом режиме (предполагающем первичный дейксис) глагол *to come* в такого рода фразе, по-видимому, неуместен: в этом случае надлежало бы сказать *John will get home* (или: *will be, will arrive at home*).

³⁸ Эти две противопоставленные друг другу позиции могут объединяться в одной фразе в русском языке – мы наблюдаем это во фразе *Вот он я*.

говорящим или слушающим. Профессор NN был назван говорящим в 3-м лице, и так же называет его слушающий; однако в данном случае представлена точка зрения не говорящего, не слушающего, а какого-то иного лица, никак не задействованного в актуальной коммуникации. Слушающий говорит о себе в 3-м лице, отвлекаясь от того факта, что речь идет о нем самом: он как бы смотрит на себя со стороны, принимая позицию не актуального, но виртуального участника коммуникации. Перед нами не реальная, а воображаемая речевая ситуация, когда меняются ориентиры и на время осуществляется переход в нарративный режим.

Мы видим, что вторичный дейксис возможен как в рамках диалогической речи, так и в условиях нарратива. В частности, он возможен при гипотаксисе, где могут иметь место как анафора или катафора (ср. примеры выше, § 2.2), так и элементы наррации. Между тем первичный дейксис возможен исключительно в диалогической речи, а именно, в речевом (диалогическом) режиме. Говоря о речевом (диалогическом) режиме, мы всегда имеем в виду автономную позицию говорящего, реализуемую вне гипотаксиса.

2.4. В широком смысле наблюдатель может считаться неотъемлемой принадлежностью всякого высказывания. Однако вторичный дейксис имеет место в том случае, когда фигура наблюдателя не совпадает с говорящим или пишущим, т. е. реальным создателем высказывания; именно – и только – в этом случае целесообразно говорить о наблюдателе³⁹. Таким образом, «наблюдатель – <...> это аналог говорящего в сфере вторичного дейксиса»⁴⁰.

Эту ситуацию хорошо иллюстрирует пример, проанализированный Ю.Д. Апресяном⁴¹. Русский глагол *показаться* (в значении ‘появиться на виду, стать заметным, видным’) относится к глаголам восприятия или внутреннего состояния (*verba sentiendi*). В обычном (первичном) случае субъектом восприятия или субъектом сознания является говорящий, и таким образом этот глагол представляет собой дейктическое слово: в его семантике заключена дейктическая референция. Так, например, во фразе *На дороге показался всадник* в диалогической речи представлена точка зрения говорящего. В речевом режиме невозможно сказать **На дороге показался я*, поскольку говорящий не может быть одновременно и наблюдателем и объектом наблюдения. Вместе с тем такого рода фраза возможна в нарративном режиме; в этом случае описание ориентировано на фигуру наблюдателя, который является субъектом восприятия; этот наблюдатель не совпадает с говорящим, и говорящий оказывается объектом, а не субъектом наблюдения. Очевидным образом при этом имеет место вторичный дейксис⁴².

Наблюдатель может занимать внешнюю или внутреннюю позицию по отношению к описываемой ситуации. «Внешний наблюдатель – тот, который обзревает ситуацию со стороны, а внутренний – тот, кто мыслится говорящим (или пишущим. – Б.В.) как ее действующее лицо. <...> Ср. следующие высказывания с синонимичными глаголами *витья* и *вилять*: *По склону горы вилясь козья тропы* (внешний наблюдатель, рассматривающий тропу со стороны и наслаждающийся ее живописностью) – *Дорога все время виляла из стороны в сторону* (внутренний наблюдатель, перемещающийся по дороге

³⁹ Как пишет Ю.Д. Апресян, «наблюдатель – тот, кто воспринимает органами чувств или мысленно созерцает определенную ситуацию. Вообще говоря, наблюдатель – лицо, предполагаемое любым высказыванием: даже простейшее высказывание типа *Идет дождь* подразумевает, что существует кто-то, кто этот дождь воспринимает (видит, слышит и т. п.). Однако такой тривиальный наблюдатель не нуждается в особом упоминании именно потому, что присутствует всегда. Фигура наблюдателя становится нетривиальной тогда, когда она лексиколизована или грамматикализована, т. е. является частью значения какой-то языковой единицы, а не высказывания в целом» [Апресян 2004/2009: 515].

⁴⁰ [Падучева 2008: 275].

⁴¹ См. [Апресян 1986/2005: 643]. Ср. также [Падучева 2008: 276].

⁴² Ср. [Успенский 1970/2000: 144–148]. Здесь рассматриваются случаи, когда глаголы внутреннего состояния (*verba sentiendi*), которые в речевом режиме должны относиться к говорящему, относятся к персонажу. Это свидетельствует о том, что в повествовании используется точка зрения персонажа.

и с неудовольствием фиксирующий все ее повороты). Ср. также *Перед горой лежало озеро* (озеро лежало между горой и наблюдателем) и *За ним стоял огромный боровик* (пень стоял между наблюдателем и боровиком); *У реки дорога кончилась* (наблюдатель перемещался по дороге) и *Дорога кончалась у реки* (наблюдателя вообще нет)»⁴³. Заметим, что только что цитированные примеры могут относиться и непосредственно к говорящему, и в этом случае мы не можем говорить о вторичном дейксисе. Равным образом в рамках вторичного дейксиса эти фразы могут быть соотнесены с точкой зрения героя повествования; лишь при безличном описании мы можем говорить о наблюдателе как таковом.

Приведенные примеры иллюстрируют различие внешнего и внутреннего наблюдателя в пространственном плане. Аналогичное различие может быть прослежено и во временном плане. В русском языке это различие может быть выражено с помощью глагольного вида. Ср.:

Лодка врезалась в берег. Описываемое событие соотнесено с временем наблюдателя, т. е. дано в его перспективе и представлено как уже осуществившееся действие. Наблюдатель находится вне процесса, ему известен конечный результат описываемого события: описание дано с внешней по отношению к процессу точки зрения.

Лодка врезалась в берег. Наблюдатель является свидетелем происходящего; речь идет об осуществляющемся действии. Наблюдатель находится внутри процесса: описание дано с внутренней по отношению к процессу точки зрения⁴⁴.

И в этом случае соответствующие фразы могут относиться непосредственно к говорящему, не предполагая участия отличающегося от него наблюдателя, и тогда имеет место первичный, а не вторичный дейксис. И совершенно так же эти фразы могут быть соотнесены с точкой зрения героя повествования⁴⁵.

Различение внутренней и внешней позиции по отношению к изображаемым событиям может проявляться не только в пространственно-временном плане и не ограничено случаями дейктической референции⁴⁶. Варьирование этих позиций является основным композиционным принципом в художественном нарративе, но оно может наблюдаться – в нарративном режиме – и в разговорной речи. Различение этих позиций актуально

⁴³ [Апресян 2004/2009: 515–516].

⁴⁴ См. [Успенский 2008: 854]. Примеры заимствованы из работы Гловинской [Гловинская 1982: 42, 94]; интерпретация принадлежит нам.

⁴⁵ Следует иметь в виду, что о позиции наблюдателя не всегда можно судить по фразам, вырванным из контекста. Так, Ю.Д. Апресян приводит фразу *Из комнаты вышел мальчик* как пример внешней позиции наблюдателя по отношению к комнате: «в приведенном тексте он (наблюдатель. – Б.У.) незримо присутствует, и притом вне того помещения, которое покинул мальчик». Исследователь считает, что эффект присутствия наблюдателя связан с коммуникативной организацией предложения: «...В высказывании *Из комнаты вышел мальчик* слово *мальчик* занимает ту позицию, в которую обычно вводится неопределенный объект, новая информация и рема высказывания. Очевидно, в частности, что объект ‘мальчик’ вводится в рассмотрение впервые. Между тем, если бы наблюдатель находился в комнате, то мальчик, покидающий ее, не мог бы быть объектом, впервые представившимся его вниманию» [Апресян 1986/1995: 642]. Но, если мы не знаем контекста, мы никак не можем утверждать, что «объект ‘мальчик’ вводится в рассмотрение впервые». В самом деле, легко представить себе ситуацию, мотивирующую появление данной фразы, которая предполагает присутствие наблюдателя не вне, а внутри данной комнаты. Представим себе, что наблюдатель мыслится в комнате, в которой находятся несколько человек, в их числе мальчик. Известно, что кто-то должен выйти из комнаты; после этого следует фраза *Из комнаты вышел мальчик*. Организация фразы остается той же самой, но наблюдатель при этом занимает другую позицию, чем в предложенной интерпретации. Если бы в русском языке был артикль, то в первой ситуации (предполагающей интерпретацию Ю.Д. Апресяна) был бы употреблен неопределенный артикль, во второй ситуации – определенный, но в обоих случаях слово *мальчик* относится к реме высказывания. Существенно, что обе интерпретации предполагают присутствие наблюдателя, при том что занимаемая им позиция может быть разной.

⁴⁶ См. [Успенский 1970/2000: 215–223].

и для изобразительного искусства, что позволяет говорить о структурном изоморфизме разных видов искусств⁴⁷.

2.5. Итак, дейктическая референция, которая в обычном речевом режиме ориентирована на участника коммуникации, в режиме вторичного дейксиса оказывается ориентированной на какое-то иное лицо, имплицитно или эксплицитно присутствующее в тексте и выступающее как представитель говорящего. Это общее замечание относится и к анафорическим (катафорическим) конструкциям. Даже во фразе *Я думал, что приду*, где субъект анафорической конструкции кореферентен субъекту фразы, к которой отсылает эта конструкция, слово *приду* относится не к говорящему как субъекту речи, но к некоторой промежуточной инстанции, стоящей между дейктическим словом и говорящим, – к условной позиции, которая в этом частном случае совпадает с позицией самого говорящего.

Как видим, вторичный дейксис предполагает либо анафорическое или же катафорическое употребление слова (когда слово употребляется не для прямого указания на объект или явление, а для отсылки к объекту или явлению, который уже был упомянут в предшествующем тексте или будет упомянут в дальнейшем), либо ссылку на персонажа или же наблюдателя (который при этом отличается от говорящего или пишущего, т. е. создателя высказывания). Это, в сущности, явления одного порядка: речевая позиция, определяющая референцию, может быть эксплицитно названа или же может имплицитно подразумеваться. Во всех этих случаях дейктическая референция относится к субституту говорящего.

Показательно, что в целом ряде случаев мы не можем провести четкую грань между анафорой или катафорой и отсылкой к персонажу или наблюдателю. Так, Ю.Д. Апресян, говоря об анафорическом употреблении слова, приводит следующий пример: «...Во фразе *Здесь всегда холодно*, произнесенной человеком, который в момент высказывания зимует на Крайнем Севере, слово *здесь* использовано дейктически (имеется в виду первичный дейксис. – Б.У.) – для прямого указания на то место, где находится говорящий. Во фразе *Перемещение преступника удалось проследить до Киева; здесь след его потерялся* то же слово использовано анафорически, а именно, для отсылки к городу Киеву; *здесь* значит ‘в Киеве’, а не ‘в том месте, где в момент своего высказывания находился говорящий’; говорящий в момент своего высказывания мог быть где угодно. При этом вся фраза воспринимается как фрагмент какого-то повествования (отчета, журнальной статьи, рассказа), т.е. как нарративная»⁴⁸. Как видим, в первой фразе имеет место первичный дейксис, во второй – вторичный. При этом во второй фразе в принципе может быть усмотрена как анафора, так и ссылка на наблюдателя. Возможность последней интерпретации становится очевидной, если обозначить в тексте персонажа, с которым совпадает наблюдатель, ср., например: *Перемещение преступника следователю удалось проследить до Киева; здесь след его потерялся* – очевидно, что слово *здесь* может относиться к точке зрения следователя.

2.6. В нарративе, вообще говоря, нет говорящего и слушающего (ср. выше, § 2.1) и, соответственно, здесь не употребляется 1-е и 2-е лицо – если отвлечься от вставок прямой речи (которые представляют собой цитаты) и от некоторых специальных случаев (таких, как повествование от 1-го лица или обращение к читателю), которые мы обсудим в дальнейшем (см. § 2.8). Основная нагрузка ложится, таким образом, на 3-е лицо, которое обозначает героя повествования – того, о ком идет речь (участника описываемого события, но не участника коммуникации). Можно сказать, таким образом, что в собственно нарративном тексте нет противопоставления по лицу.

⁴⁷ [Там же: 223–267]. Проблемам внешней и внутренней зрительной позиции в изобразительном искусстве посвящены работы [Успенский 1971/1995; Успенский 2009].

⁴⁸ [Апресян 2004/2009: 489–490].

Как мы помним, в диалогической речи дейксис в первую очередь заключает в себе указание на актуального или потенциального участника коммуникации, т. е. предполагает ориентацию на 1-е, 2-е или 3-е лицо, и при этом дейктическая референция может содержать ту или иную информацию, которая определяется именно через указание на участника коммуникации (см. выше, § 1.2–1.7). Между тем в нарративе, где нет противопоставления по лицу, дейксис выражается указаниями на место, время, определенность и т.п.; эти указания приобретают в данном случае самодовлеющее значение – именно они выполняют идентифицирующую функцию, присущую дейксису (ср. выше, § 1.5): вообще вторичный дейксис представляет собой виртуальное указание на основные параметры речевого акта. Так, например, если в диалогической речи указание на пространственно-временные параметры осуществляется через указание на лицо, то в нарративном тексте, напротив, указание на лицо, относительно которого строится повествование, осуществляется через относящиеся к нему пространственно-временные характеристики.

Таким образом соответствующему персонажу усваиваются характеристики говорящего. Так достигается эмпатия (способность к сопереживанию): мы переживаем вместе с героем, подобно тому, как можем переживать вместе с говорящим, – нам сообщается его восприятие.

2.7. Как отчасти видно уже из предыдущего изложения, одна и та же фраза может заключать в себе как первичный, так и вторичный дейксис: первичный дейксис представлен в речевом режиме, если имеется в виду позиция говорящего; вторичный дейксис представлен в нарративном режиме, если имеется в виду позиция героя повествования или же наблюдателя (отличающегося от говорящего).

Рассмотрим, например, фразу *Он пошел в кино*. В речевом режиме она соотносится с говорящим: так, прошедшее время глагола *пошел* определяется по отношению к настоящему времени говорящего (совпадающим с временем речевого акта). Ср., например: *Где Вася? – Он пошел в кино*. Это случай первичного дейксиса.

Между тем в нарративном режиме та же фраза может быть ориентирована на позицию персонажа. Ср., например: *Иванов ждал гостей, но они не пришли. Тогда он пошел в кино. Потом он долго вспоминал об этом*. Глагольные формы совершенного вида – *пришли, пошел* – соотносятся здесь с текстовым временем, т. е. каждый раз определяются тем временем, которое было на том или ином этапе *на с т о я щ и м* для героя повествования (ср. ниже, § 2.11). Это случай вторичного дейксиса⁴⁹.

Сходным образом во фразе *Иван знал этого человека* местоимение *этот* может соотноситься как с перспективой действующего лица (Ивана), который выступает как субъект сознания, так и с перспективой говорящего или рассказчика⁵⁰.

То, что один и тот же текст может функционировать как в режиме первичного, так и в режиме вторичного дейксиса, представляется показательным: мы видим, что это явления одного порядка, одно сводится к другому.

Поскольку личные местоимения 1-го или 2-го лица предполагают первичный дейксис, для того чтобы преобразовать первичный дейксис во вторичный, достаточно заменить 1-е или 2-е лицо на 3-е и мысленно представить себе, что соответствующий текст вообще не имеет 1-го и 2-го лица. Тогда мы получаем нарратив.

Рассмотрим примеры.

⁴⁹ Вместе с тем данный текст может быть последовательно ориентирован на говорящего; в этом случае употребление глагольных форм определяется позицией говорящего, а не героя повествования.

⁵⁰ В нарративном режиме, когда рассказчик имплицитно присутствует в повествовании (т. е. не говорит от своего лица), перспектива рассказчика и перспектива персонажа могут быть практически неразличимы; кажется разумным считать в таких случаях, что автор использует «психологическую» точку зрения действующего лица (см. вообще о «психологической» точке зрения [Успенский 1970/2000: 138–170]).

Я пошел в кино. Слово *пошел* выражает первичный дейксис.

Он пошел в кино. Слово *пошел* может выражать первичный дейксис, если текст произносится от 1-го лица – в этом случае форма прошедшего времени *пошел* относится к действию, предшествующему моменту высказывания. Если же перед нами художественный текст, не имеющий 1-го лица, слово *пошел* может относиться к герою повествования (но не к говорящему!). Тогда оно как-то соотносится с другими действиями персонажа (например, может выражать последовательность или одновременность). В таком случае перед нами вторичный дейксис.

Я увидел вблизи человека. Слово *вблизи* относится ко мне (говорящему), выражает мою перспективу. Это первичный дейксис.

Он увидел вблизи человека. Слово *вблизи* относится к субъекту фразы – к тому, кто обозначен местоимением *он*, – который отличается от говорящего; это вторичный дейксис. В принципе можно представить себе ситуацию, когда это слово относится к говорящему и обозначает первичный дейксис, но тогда мы должны предположить эллипсис: нормально было бы сказать в этом случае не *вблизи*, но *вблизи от меня*⁵¹.

Примеры такого рода нетрудно умножить.

2.8. Мы говорили, что в нарративном режиме, в условиях отвлечения от реальной речевой ситуации, в принципе нет говорящего и слушающего и, соответственно, не употребляется 1-е и 2-е лицо (см. выше, § 2.6). Исключение составляет *Ich-Erzählung* (повествование от 1-го лица), но это явный случай и м и т а ц и и диалогической речи. Это ни в коем случае не полноценное 1-е лицо (какое представлено в диалогической речи), но, в сущности, его паллиатив. В самом деле, 1-е лицо нарративного текста не совпадает с говорящим: если говорящий являет собой субъекта речи в момент речи, то в данном случае перед нами оказывается субъект речи вне времени речи⁵². Вообще в повествовании от 1-го лица (*Ich-Erzählung*) нет заданного момента речи, объединяющего говорящего и слушающего (ср. выше, § 1.1). Следовательно, здесь нет реального говорящего, перед нами псевдоговорящий (рассказчик с маской говорящего) и речь может идти лишь о вторичном, но не о первичном дейксисе.

В дальнейшем изложении, говоря о нарративе, мы будем иметь в виду литературное повествование (художественный нарратив).

В художественном тексте – будь то литературный текст (нарратив) или текст изобразительного искусства – коммуникация имеет односторонний характер, не предполагающая смены ролей между отправителем и получателем сообщения. Соответственно, здесь нет противопоставления 1-го и 2-го лица, которое присуще естественной, диалогической речи и которое, вообще говоря, определяет их сущность. Следует подчеркнуть в этой связи, что 1-е и 2-е лицо взаимозависимы: понятие «себя» («ego») предполагает понятие другого: субъект («ego») способен отдавать себе отчет в своем существовании только, если он признает существование другого субъекта (другого «ego») ⁵³.

Сказанное, *mutatis mutandis*, относится и к спорадическому обращению к читателю, возможно в рамках повествования (т. е. нарративного текста): если формы 1-го лица

⁵¹ Ср.: «...Фраза типа *Маша только сейчас поняла, как важна для нее была поездка в деревню* может быть осмыслена двояко. Во-первых, *сейчас* в ней может указывать на время речи говорящего, т. е. иметь дейктическое значение (имеется в виду первичный дейксис. – Б.У.), и тогда она воспринимается как элемент диалога. Во-вторых, *сейчас* может указывать на то время, когда к Маше, которая в данном случае приобретает роль наблюдателя, пришло понимание важности ее поездки в деревню. В этом случае <...> вся фраза воспринимается как элемент рассказа о Маше, т. е. в нарративном режиме (и тогда это вторичный дейксис. – Б.У.)» [Апресян 2004/2009: 516].

⁵² См. [Падучева 2008: 274, 276].

⁵³ Ср.: «La conscience de soi n'est possible que si elle s'éprouve par contraste. Je n'emploie *je* qu'en m'adressant à quelqu'un, qui sera dans mon allocution un *tu*. C'est cette condition de dialogue qui est constitutive de la *personne*, car elle implique en réciprocité que je deviens *tu* dans l'allocution de celui qui à son tour se désigne par *je*» [Benveniste 1966: 260; Бенвенист 1974: 294].

в нарративном тексте относятся к псевдоговорящему, то формы 2-го лица по той же причине (отсутствие заданного момента речи) относятся здесь к псевдослушающему. Обращение к читателю ни в коем случае не предполагает возможности ответной реплики читателя – таким образом, это не ситуация диалогической речи, но всего лишь условная имитация такой ситуации⁵⁴.

2.9. Для того, чтобы понять специфику нарратива, целесообразно обратиться к категории времени. Рассказ о событиях (*narratio*), как правило, ведется здесь в прошедшем времени, т. е. описываемые события оказываются представленными ретроспективно (так в разных литературных традициях, по-видимому, друг с другом не связанных). В некоторых языках есть даже специальное повествовательное прошедшее время, которое не употребительно в обычной, разговорной речи: таковы, например, *passé simple* во французском языке, аорист в древнерусском⁵⁵; ср. также особое употребление формы несовершенного вида прошедшего времени в русском⁵⁶. При этом в этих языках повествовательное прошедшее время употребляется наряду с другими формами прошедшего времени.

Что же означает прошедшее время при повествовании? Мы знаем, что время – дейктическая категория (см. выше, § 1.8): в обычном случае категория времени соотносена с речевым актом, т. е. с моментом речи, объединяющим говорящего и слушающего (в этом случае прошедшее время обозначает событие, предшествующее моменту речи).

В литературном тексте нет говорящего, но есть пишущий (автор нарратива), позиция которого могла бы считаться аналогичной позиции говорящего. Можем ли мы считать, что прошедшее время в нарративе соотносится со временем сочинения (написания) рассказа – с тем временем, когда писатель создает соответствующий текст (это может быть достаточно продолжительный отрезок времени, но в любом случае по отношению к нему описываемые события находятся в прошлом)?

Очевидно, нет. Представим себе, что наше повествование относится к будущему времени (положим, это рассказ из жанра научной фантастики или утопии): мы все равно будем излагать события (которым предстоит совершиться!) в прошедшем времени. Иначе говоря, мы будем излагать их ретроспективно, с некоторой временной позиции, которая еще более отдалена от нас (еще более продвинута в будущее), чем описываемые события. Последние оказываются прошлыми событиями не по отношению к реальному времени рассказчика (с этой точки зрения они являются событиями будущего и предполагали бы использование грамматических форм будущего времени), а именно с точки зрения этой временной позиции; они представляют собой, можно сказать, прошлое в будущем.

Не менее характерны нарушения хронологической последовательности при изложении событий, когда автор забегает вперед и сообщает что-то о будущем своего героя: отвлекаясь от сюжетной линии, рассказчик может заметить, например: «Позднее он (герой) будет сожалеть об этом» и т. п.; форма будущего времени появляется в нарративном тексте, изложенном в прошедшем времени. Эта форма обозначает будущее героя, а не рассказчика: по отношению к рассказчику это будущее оказывается в прошлом⁵⁷.

⁵⁴ Спорадическое появление в тексте как 1-го, так и 2-го лица может отмечать сознательный выход из нарративного пространства, который призван обозначить рамки художественного текста. Ср. сказочную концовку типа «И я там был, мед-пиво пил...» или обращение к принцу в балладах Вийона (см. об этом [Успенский 1970/2000: 234–243]).

⁵⁵ См. [Зализняк 1995/2004: 174; Успенский 1987/2002: 218; Vanfield 1981: 146 и сл.].

⁵⁶ См. [Успенский 1970/2000: 128–130; 2008: 835–836, 856].

⁵⁷ См. [Успенский 1970/2000: 119]. Подобный прием характерен для Достоевского. Ср., например, в «Братьях Карамазовых»: «Забегая вперед: то-то и есть, что он (Митя. – Б.У.), может быть, и знал, где достать эти деньги, знал, может быть, где и лежат они. Подробнее я на этот раз ничего не скажу, ибо потом все объяснится...» (кн. VIII, гл. 1); «Отмечаю этот факт заранее, потом разъяснится, для чего я так делаю» (кн. VIII, гл. 2); «Но я забегая вперед» (кн. VIII, гл. 3).

Здесь представлено то же соотношение времен, которое мы наблюдаем во фразе *Я думал, что он придет* (см. выше, § 2.2): в обоих случаях выражается будущее в прошедшем.

Итак, события, о которых говорится в прошедшем времени, не связаны с временем составления рассказа, но соотносятся с некоторой условной временной позицией, при этом четко никак не обозначенной. Прошедшее время в нарративном тексте – это просто-напросто нарративное время. В самом деле, если в диалогической речи (в речевом режиме) время соотносится с моментом речи (объединяющим говорящего и слушающего), то при повествовании соотношение времен имеет условный характер.

Выбор временной формы в этом случае определяется отношением описываемого действия или состояния не к моменту речи (или создания текста), а к условной временной перспективе, имитирующей временную перспективу говорящего.

2.10. Итак, грамматическое время в нарративе принципиально отличается по своему значению и употреблению от времени в разговорной речи. Время в нарративе не соотносится с временем говорящего или пишущего. Тем более не соотносится оно и с временем реципиента (в данном случае – читателя).

Время написания, которое в известном смысле соответствует времени говорящего в естественной, диалогической речи, вообще говоря, не является общим для автора и читателя. В случае диалогической речи время говорящего является одновременно и временем слушающего, в данном же случае перед нами принципиально другая картина. Нарративный текст может быть прочитан существенно позже того, чем он написан⁵⁸. Разумеется, можно считать, что пишущий имеет в виду не реального, а условного читателя, который синхронен автору. Но такого читателя не существует, это виртуальная фигура – своего рода «alter ego» автора, его проекция. Он сопоставим скорее не со слушающим, а с самим автором; он, по существу, является его двойником.

2.11. Хотя все повествование в нарративе дается в прошедшем времени, в общих рамках прошедшего времени выделяется время описываемых событий, синхронное действующим лицам. Будучи прошедшим временем для автора и читателя, которые, по определению, находятся вне описываемых событий и описывают или воспринимают их ретроспективно, это время предстает как настоящее время героев повествования, с чьей точки зрения дейктически описываются эти события⁵⁹.

Лишь в таких авторских отступлениях, которые вообще никак не связаны с повествованием (выходят за пределы виртуальной действительности, определяемой сюжетным миром героев произведения), в литературном тексте возможно появление формы будущего времени, не соотношенного с прошедшим временем повествования. Ср., например, у Пушкина «Когда благому просвещению отдвинем более границ, Со временем <...> дороги, верно, У нас изменятся безмерно» («Евгений Онегин», VII, 23).

⁵⁸ Ср. в этой связи объяснение эпистолярного прошедшего в классической латыни: «автор письма переносится в то время, когда это письмо будет читаться, и поэтому употребляет имперфект или перфект, где для нас единственно естественной является форма настоящего времени» [Есперсен 1958: 343]; ср. [Падучева 1996: 261].

⁵⁹ Аналогичное значение могут иметь в нарративном режиме глаголы совершенного вида настоящего времени. А.В. Бондарко, рассматривая такие фразы, как *Все молчат, а он вдруг как крикнет* или *Заблудился он, никак дороги не найдет*, считает, что формы *крикнет, найдет* выражают в них «настоящее неактуальное», т. е. настоящее, не ориентированное на момент речи [Бондарко 1962: 182]. Поскольку в подобных случаях имеет место вторичный дейксис, мы можем считать, что речь идет здесь как раз об актуальном настоящем – при том что описываемое настоящее принадлежит не непосредственно самому говорящему, а воображаемому наблюдателю, которому говорящий сообщает (делегирует) свои функции. Высказывание соотносится, таким образом, с тем временем, которое является настоящим для этого наблюдателя; в перспективе этого наблюдателя и определяется актуальность соответствующего явления.

В речевом режиме описываемые события соотносятся с моментом речи, т. е. с настоящим временем говорящего (первичный дейксис), в нарративном режиме – с текстовым временем (вторичный дейксис). Необходимо различать при этом событиеное время, которое соотносится с внутренней хронологией повествования, т. е. определяется последовательностью событий, и текстовое время, которое соотносится с позицией рассказчика, наблюдателя, действующего лица и т. п. Текстовое время представителя говорящего соответствует настоящему времени самого говорящего; иначе говоря, для представителя говорящего текстовое время является как бы настоящим временем или во всяком случае его аналогом. Таким образом, текстовое время определяется на хронологической шкале – в рамках событийного времени. И то и другое понятие актуально для вторичного дейксиса.

Как событийное, так и текстовое время могут выражаться грамматическими формами прошедшего времени (вместе с тем текстовое время спорадически может выражаться также формами настоящего времени – в значении «*praesens historicum*»). При этом событийное время обычно выражается глаголами совершенного вида прошедшего времени, а текстовое время – глаголами несовершенного вида прошедшего времени⁶⁰. Именно поэтому формы несовершенного вида прошедшего времени в нарративе имеют особое значение: если в речевом режиме они обозначают предшествование, то в нарративном режиме они чаще всего выражают одновременность⁶¹. Можно сказать, таким образом, что они выражают настоящее в прошедшем.

Экскурс

Дейктические слова со значением пространственного указания вне дейктического контекста (на примере различения «правого» и «левого»)

Дейктические слова со значением пространственного указания могут выступать вне дейктического контекста, т. е. безотносительно к точке зрения участников коммуникации или какого бы то ни было их представителя.

Так, например, во фразе *Перед машиной стояла девушка* предлог *перед* может выражать указание на точку зрения говорящего или слушающего (тогда это первичный дейксис) или же на точку зрения виртуального наблюдателя, мысленно вводимого в описываемую сцену, позиция которого никак не связана с реальным положением кого-либо из участников коммуникации (в этом случае имеет место вторичный дейксис)⁶². Помимо того, слово *перед* может выражать положение девушки относительно машины (ее передней части), безотносительно к позиции какого бы то ни было наблюдателя (актуального или виртуального); в этом случае мы вообще не можем говорить о дейксисе⁶³.

В случае дейктической ориентации система координат определяется участником коммуникации или, в случае вторичного дейксиса, субститутом говорящего: это лицо (участник коммуникации или субститут говорящего) и выступает как точка отсчета. В случае недейктической ориентации система координат определяется безотносительно к говорящему или его субституту. В одном случае ориентация основывается на субъективных параметрах, в другом на объективных характеристиках.

Ч. Филмор иллюстрирует различие между дейктическим и недейктическим указанием, сравнивая фотографию и скульптуру: фотографическое представление человеческой фигуры и скульптурное изображение этой же фигуры. Как отмечает Филмор, «The sculpture does not represent any particular observer's point-of-view, but the photograph does».

⁶⁰ См. подробнее [Успенский 2008: 855–857], ср. [Там же: 835–836 (с отличающейся терминологией)].

⁶¹ См. [Падучева 2008: 274].

⁶² Ср. [Апресян 1986/1995: 634] (с иной интерпретацией).

⁶³ [Там же: 634–635].

The photograph does because the camera has to be positioned at a particular place in front of or to the side of, above or below, or on the same level as, the model»⁶⁴.

Это различие наглядно проявляется в таких словах, как *правый* и *левый*, а также *справа* и *слева*, *направо* и *налево* и т. п. Определение позиции как «правой» или «левой» может устанавливаться по отношению к говорящему или замещающему его наблюдателю. Соответствующие оценки зависят тогда от положения говорящего (наблюдателя) в пространстве: так, например, если говорящий (наблюдатель) обойдет описываемый им объект на 180°, его оценки изменятся на противоположные: правое станет левым и наоборот. Точкой отсчета является при этом субъект описания.

Но если мы говорим о «правой руке» какого-то человека, мы, видимо, будем исходить из строения его тела. В данном случае понятия «правого» и «левого» имеют абсолютный, безусловный характер: эти оценки не меняются при изменении положения данного человека в пространстве: если он повернется на 180°, его правая рука останется «правой», а левая – «левой». Точкой отсчета является в данном случае не субъект, а объект описания.

А если речь идет о статуе? Скорее всего, будет иметь место то же самое: мы относимся к статуе, как если бы она была живым человеком. Можно сказать точнее: это именно зависит от нашего отношения. Если мы видим в статуе фигуру человека, мы назовем правой рукой то, что было бы правой рукой, если бы статуя была человеком. Если же мы относимся к статуе как к безжизненной каменной глыбе, мы в принципе можем использовать и свою точку зрения.

В целом ряде случаев выбор той или иной ориентации сводится к различию между объективной реальностью и субъективным восприятием этой реальности.

Показательна в этом плане полемика между католиками и протестантами о том, как изображать сцену Распятия Христова. Согласно традиции, восходящей к Никодимову евангелию (Деяниям Пилата), Благоразумный Разбойник, покаявшийся на Кресте и обретший веру и спасение, был распят «с правой стороны Христа», т.е., очевидно, по его правую руку, а другой разбойник – по левую его руку. Именно так и изображается эта сцена в православной и католической иконографии. Напротив, протестанты в XVI в. настаивали на том, что Благоразумный Разбойник должен быть изображен справа для нас (т.е. по левую руку Христа), а злой разбойник – слева для нас⁶⁵.

Для протестантов (для которых вообще характерно отрицательное отношение к сакральным изображениям) изображение Распятия – это прежде всего назидательная картина, т.е. физический предмет, который имеет правую и левую сторону. В этом случае актуальной оказывается позиция человека, который смотрит на это изображение; «с правой стороны Христа» означает для него с правой стороны изображения или, если угодно, справа от фигуры (изображения) Христа. Правое и левое определяются перспективой зрителя картины; тем самым в данном случае имеет место дейктическая ориентация.

Совершенно иначе воспринимают изображение Распятия православные (у которых сохраняется традиция иконопочитания) и католики (у которых также наблюдается в какой-то мере почитание сакральных изображений). Изображение Распятия воспринимается (переживается) ими как изображение реальной сцены, которая является предметом молитвы и медитации. Православный или католический зритель сосредоточивается на изображаемом, а не на факте изображения; он призван забыть о том, что это картина, его задача – сопresentствовать в изображенной сцене, т.е. как бы войти в изображение. При таком понимании «с правой стороны Христа» означает правую сторону по отношению к самому Христу, а не по отношению к зрителю картины, и это предполагает недейктическую ориентацию.

Такая же разница наблюдается между протестантскими и православными или же католическими аллегорическими изображениями. В протестантских картинах грехо-

⁶⁴ [Fillmore 1975: 16].

⁶⁵ См. подробнее [Успенский 2009: 103–105].

падение изображается слева по отношению к зрителю картины, а спасение справа⁶⁶, между тем как в православных и католических картинах противопоставление положительного и отрицательного начала представлено противоположным образом: то, что относится к спасению, представлено здесь слева для зрителя (справа по отношению к самой картине), а то, что относится к грехопадению, – справа для зрителя (слева по отношению к изображению)⁶⁷. Во всех этих случаях имеет место аксиологическое противопоставление правой и левой стороны, но в одном случае это противопоставление предполагает дейктическую, в другом – недейктическую ориентацию.

Соответственно, в иконописной традиции принято было описывать икону, основываясь не на восприятии человека, который на нее смотрит, а на внутренней по отношению к иконописному изображению точке зрения: так, правая для зрителя часть изображения считалась «левой», а левая часть, напротив – «правой». Очевидным образом при этом имеет место недейктическая ориентация. Очень часто в центре иконы представлена фигура Христа, Богородицы или какого-то святого, и мы можем считать в этих случаях, что правое и левое определяется по отношению к этой центральной фигуре: «правая» часть изображения приходится по правую руку этой фигуры, а «левая» – по левую. Однако в точности такая же терминология может применяться при отсутствии этой центральной (ориентирующей) фигуры; таким образом это принципиальный момент иконописного изображения, который не сводится к какой-либо конкретной композиции⁶⁸.

Иконописная традиция дает особенно наглядный материал в этом отношении в виду наличия более или менее точных словесных описаний различных иконографических сюжетов. Вместе с тем данное явление не специфично для иконописи; так же в свое время воспринималось и описывалось изображение на Западе. Спорадически подобный принцип описания живописного изображения прослеживается на Западе вплоть до середины XIX в.⁶⁹

Тот же принцип описания принят и в архитектуре. Для человека, смотрящего на здание, правая и левая сторона определяются его положением по отношению к зданию. Если он отмечает, например, что в правом окне горит свет, он исходит из своей перспективы, что соответствует принципу дейктической ориентации. Но для архитектора, описывающего здание, дело обстоит иначе: в архитектуре принято описывать здание прямо противоположным образом – точкой отсчета является здесь само здание и, соответственно, «правой» стороной здания считается та, которая является левой для человека, смотрящего на здание, и наоборот. Это отвечает принципу недейктической ориентации.

Другим примером может служить описание театральной сцены: «правой» стороной театральной сцены считается сторона, которая является левой для зрителя, и наоборот⁷⁰. Это отвечает точке зрения актера, обращенного лицом к зрителям⁷¹. Таким

⁶⁶ [Там же: 35 (примеч. 48)].

⁶⁷ См. о русских аллегорических картинах [Успенский 1973/1995: 300–301]; ср. также [Успенский 2006: илл. I–II]. Примером католического изображения такого рода может служить «Сад земных наслаждений» Иеронима Босха.

⁶⁸ См. [Успенский 1973/1995].

⁶⁹ См. [Успенский 2009: 34–35].

⁷⁰ См. [Успенский 1970/2000: 14].

⁷¹ Такое положение актера было нормативным в старинном театре – актер должен был не поворачиваться спиной к зрителю и, по возможности, не поворачиваться к нему в профиль (см. [Успенский 1971/1995: 279]). Поскольку активная игра требует движения правой рукой и при этом нельзя показываться зрителю спиной, актер более активной роли в театре XVIII в. выпускался обычно с правой от зрителя стороны (с «левой» стороны сцены), а актера более пассивной роли ставили слева (с «правой» стороны сцены); например, принцесса стоит слева (для зрителя), а рабыня, ее соперница, представляющая активный персонаж, вбегает на сцену с правой от зрителя стороны. В соответствии с такой расстановкой актер пассивной роли находился в более выгодной (престижной) позиции, поскольку его относительно неподвижное положение не вызывало необходимости поворачиваться в профиль или спиной к зрителю – и поэтому эту позицию занимали актеры, роль которых характеризовалась большей представительностью или социальной значи-

образом, если в зрительном зале «правая» и «левая» сторона партера соответствуют точке зрения зрителя, обращенного к актеру, то на сценической площадке «правая» и «левая» сторона сцены соответствуют точке зрения актера, обращенного к зрителю. Можно считать, что здесь противопоставлены две системы ориентации: дейктическая и недейктическая.

Аналогичное противопоставление наблюдалось (до середины XVII в.) в русском православном храме: в предалтарной части храма точкой отсчета при определении правого и левого являлась позиция молящихся, обращенных лицом к алтарю, т. е. смотрящих на восток (как известно, алтарь в русских церквях располагается в восточной части храма). Например, «правым» клиросом назывался (как называется и сейчас) тот клирос, который находился справа от них (в южной части храма), а «левым», соответственно, – тот, что находился от них слева (в северной части храма); мужчины по традиции стояли на «правой» (южной) стороне церкви, а женщины на «левой» (северной) и т.п. Очевидным образом здесь представлена дейктическая точка зрения. Напротив, ориентация в алтаре была прямо противоположной: «правой» стороной алтаря считалась северная сторона, которая находилась слева для человека, смотрящего на алтарь, и наоборот⁷². Точкой отсчета является в данном случае сам алтарь, как главная часть храма: субъективной (дейктической) ориентации противопоставлена объективная (недейктическая)⁷³.

Эти две возможности дифференциации правого и левого могут быть прослежены в порядке совершения крестного знамения в разных христианских традициях: если православные крестятся справа налево, то современные католики крестятся слева направо⁷⁴. Так же, как католики, крестятся монофизиты (армяне, копты, эфиопы, сирийцы); в свою очередь, несториане крестятся так же, как православные.

При этом наблюдается следующая закономерность: тех, кто крестится справа налево, благословляют в противоположном направлении, т. е. по отношению к себе кладут крест слева направо; тех же, кто крестится слева направо, так же – слева направо – и благословляют.

мостью. В результате расположение действующих лиц в опере XVIII в. подчинялось достаточно определенным правилам, когда солисты выстраивались параллельно рампе, располагаясь по нисходящей иерархии слева направо (по отношению к зрителю), т. е. герой или первый любовник помещался, например, первым слева, за ним находился следующий по важности персонаж и т. д. См. [Успенский 1970/2000: 14].

⁷² См. [Успенский 2006: 133–149]; ср. также [Успенский 2009: 41]. Принцип двойного описания храмового пространства, предусматривающий две системы ориентации, не прослеживается, насколько мы знаем, у греков. На Руси он был отменен патриархом Никоном в 1655 г.: после реформ Никона определение правого и левого в русских храмах, так же как и у греков, последовательно (во всех частях храма!) основывается на перспективе человека, обращенного к алтарю, т. е. смотрящего на восток (см. [Успенский 2006: 143]). Традиционный принцип двойной перспективы сохраняется у старообрядцев.

⁷³ В древнейших западных церквях – в частности, римских и североафриканских, – которые имели вход на востоке и алтарную апсиду с престолом на западе, определение правого и левого было соотносено с точкой зрения наблюдателя, обращенного спиной к апсиде и лицом к входу в церковь. Точкой отсчета оказывается при этом престол, правая часть которого (соответственно, левая с точки зрения молящихся, обращенных лицом к престолу) именуется в католической церкви «евангельской», а левая часть (правая для молящихся) – «апостольской»; эти названия отражают древнейшее представление о правой и левой стороне храма. Напротив, в церквях с апсидой на востоке и входом на западе (этот тип церквей доминирует на Западе со второй половины V в.), правое и левое, как правило, определялось позицией молящихся, обращенных лицом к престолу. Еще в XVIII в. прихожане во Франции могли спорить о том, какая сторона церкви является более почетной. См. [Успенский 2006: 143–146]; ср. также [Успенский 2009: 42].

⁷⁴ К дальнейшему см. подробнее [Успенский 2004; 2006: 15–113]. Ранее (вплоть до XVI в.) у католиков был принят как тот, так и другой порядок крестного знамения (при том, что православные всегда крестились справа налево).

Итак, благословляют всегда – в самых разных традициях – слева направо по отношению к субъекту действия или, что то же, справа налево по отношению к объекту действия. Действительно, крестное знамение при благословении во всех случаях сначала кладется на правое плечо того, к кому относится благословение, а затем – на левое.

Поскольку движение благословения совпадает в разных традициях, этот жест следует признать исходным. Это жест священника: изначально только священник может осенить другого человека крестным знаменем⁷⁵. В древнейший период при катехизации (приготовлении к крещению) священник благословлял катехумена, после чего тот получал возможность сам осенить себя крестным знаменем.

При этом являлись две возможности: катехумен мог либо повторять действия священника (совершая движение рукой слева направо), либо начинать со своего правого плеча, подобно тому, как это произошло, когда его осеняли крестным знаменем (совершая движение рукой справа налево). Тот и другой способ действия закрепился в разных христианских традициях⁷⁶.

Соответственно, в одной традиции всегда совершают движение в одном направлении (слева направо по отношению к себе). Таким образом принимается точка зрения субъекта действия, т. е. имеет место дейктическая ориентация. В этом случае крестное знамение понимается прежде всего как молитва, т. е. акцент делается на обращении к Богу. Движение слева направо призвано выразить стремление человека к Богу и вечной жизни: это движение от мрака к свету, от греха к спасению и т. п.

Между тем в другой традиции всегда начинают с правого плеча объекта – того, к кому прилагается крестное знамение. Таким образом принимается точка зрения объекта действия, т. е. имеет место недейктическая ориентация. В этом случае крестное знамение понимается прежде всего как исповедание веры, т. е. акцент делается на обращении к Богу. Человек, который крестится справа налево, как бы принимает позицию Бога, находящегося на Кресте, оказываясь тем самым под его защитой: его правая сторона соотносится с правой стороной самого Бога и наоборот.

Примеры употребления дейктических слов вне дейктического контекста легко могут быть умножены. Мы сосредоточились на дифференциации «правого» и «левого», но аналогичные примеры могут быть приведены и в отношении других параметров трехмерного пространства, а именно в отношении дифференциации «верхнего – нижнего» и «переднего – заднего».

⁷⁵ Благословение (осенение другого человека крестным знаменем) в самых разных христианских традициях рассматривается как исключительная прерогатива священника. В русском быту сейчас любой человек может перекрестить другого, но это относительно новое явление (появившееся после реформ патриарха Никона, когда было установлено особое священническое перстосложение при благословении); у старообрядцев это не принято.

⁷⁶ Если обычай креститься слева направо восходит к катехизации взрослых (когда катехумен сознательно повторял действия священника, перенося руку в том же направлении), то обычай креститься справа налево восходит к катехизации детей. Совершая обряд катехизации ребенка, священник брал его правую руку и осенял его крестным знаменем, произнося при этом: «Signo te signaculo Sanctae Crucis Domini nostri Jesu Christi cum manu tua dextera, ut te conservet, et ab adversis te eripiat, ut habeas vitam aeternam, et vivas in saecula saeculorum» ('Знаменую тебя знаменем святого креста Господа нашего Иисуса Христа твоей правой рукой, дабы хранил тебя и исхитил тебя от врага, дабы имел ты жизнь вечную и жил во веки веков'). При этом крестное знамение совершается одновременно и рукой священника и рукой катехумена – как от имени священника (который говорит о производимом действии в 1-м лице: «Signo te...»), так и от имени катехумена (который сам осеняет себя крестным знаменем). Таким образом священник перемещает руку по отношению к себе слева направо, как это принято вообще (во всех традициях) при благословении, тогда как катехумен, напротив, перемещает руку по отношению к себе справа налево (постольку, поскольку движение руки катехумена определяется движением руки священника). См. [Успенский 2004: 31–32; 2006: 40–41].

Заметим, что все сказанное относится к дейктическим словам пространственной ориентации (со значением пространственного указания): напротив, дейктические слова временной ориентации (со значением временного указания) не могут быть употреблены вне дейктического контекста, т. е. иметь недейктический смысл.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1986/1995 – Ю.Д. *Апресян*. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. II. М., 1995.
- Апресян 2004/2009 – Ю.Д. *Апресян*. Понятийный аппарат системной лексикографии // Ю.Д. *Апресян*. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. М., 2009.
- Бенвенист 1974 – Э. *Бенвенист*. О субъективности в языке // Э. *Бенвенист*. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бондарко 1962 – А.В. *Бондарко*. Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола // Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. Т. XXIII. М., 1962.
- Бондарко 1998 – А.В. *Бондарко*. Проблемы инвариантности/вариативности и маркированности/немаркированности в сфере аспектологии // М.Ю. *Черткова* (ред). Типология вида: Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Бюлер 1993 – К. *Бюлер*. Теория языка. М., 1993.
- Волошинов 1929 – В.Н. *Волошинов*. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929.
- Гловинская 1982 – М.Я. *Гловинская*. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Дурново I-II – Н. *Дурново*. Повторительный курс русского языка. Вып. I-II. М.; Л., [1924]–1929.
- Есперсен 1958 – О. *Есперсен*. Философия грамматики. М., 1958.
- Зализняк 1995/2004 – А.А. *Зализняк*. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Косериу 1963 – Э. *Косериу*. Синхрония, диахрония и история (Проблема языкового изменения) // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
- Падучева 1995/2009 – Е.В. *Падучева*. В.В. *Виноградов* и наука о языке художественной прозы // Е.В. *Падучева*. Статьи разных лет. М., 2009.
- Падучева 1996 – Е.В. *Падучева*. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996.
- Падучева 1997/2009 – Е.В. *Падучева*. Эгоцентрическая семантика союзов *a* и *no* // Е.В. *Падучева*. Статьи разных лет. М., 2009.
- Падучева 2001/2009 – Е.В. *Падучева*. Модальность сквозь призму дейксиса // Е.В. *Падучева*. Статьи разных лет. М., 2009.
- Падучева 2004 – Е.В. *Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Падучева 2008 – Е.В. *Падучева*. Вторичный дейксис и фигура наблюдателя // *Miscellanea slavica*: Сб. статей к 70-летию Б.А. Успенского. М., 2008.
- Пешковский 1935 – А.М. *Пешковский*. Русский синтаксис в научном освещении. 5-е изд. М., 1935.
- Успенский 1970/2000 – Б.А. *Успенский*. Поэтика композиции. [3-е изд.]. СПб., 2000.
- Успенский 1971/1995 – Б.А. *Успенский*. Семиотика иконы // Б.А. *Успенский*. Семиотика искусства (Поэтика композиции, Семиотика иконы, Статьи об искусстве). М., 1995.
- Успенский 1973/1995 – Б.А. *Успенский*. «Правое» и «левое» в иконописном изображении // Б.А. *Успенский*. Семиотика искусства (Поэтика композиции, Семиотика иконы, Статьи об искусстве). М., 1995.
- Успенский 1987/2002 – Б.А. *Успенский*. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд. М., 2002.
- Успенский 1988–1989/1996 – Б.А. *Успенский*. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // Б.А. *Успенский*. Избранные труды. Т. I. 2-е изд. М., 1996.
- Успенский 2004 – Б.А. *Успенский*. Крестное знамение и сакральное пространство: Почему православные крестятся справа налево, а католики – слева направо? М., 2004.
- Успенский 2006 – Б.А. *Успенский*. Крест и круг: Из истории христианской символики. М., 2006.
- Успенский 2007 – Б.А. *Успенский*. Ego loquens: Язык и коммуникационное пространство. М., 2007.
- Успенский 2008 – Б.А. *Успенский*. Вид и дейксис // Динамические модели: слово, предложение, текст: Сб. статей в честь Е.В. *Падучевой*. М., 2008.

- Успенский 2009 – Б.А. Успенский. Гентский алтарь Яна ван Эйка: композиция произведения. Божественная и человеческая перспектива. М., 2009.
- Якобсон 1972 – P.O. Jakobson. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Б.А. Успенский (ред.); О.Г. Ревзина (сост.). Принципы типологического анализа языков разного строя. М., 1972.
- Anderson, Keenan 1985 – S.R. Anderson, E. Keenan. Deixis // T. Shopen (ed.). Typology and syntactic fieldwork. V. III. Cambridge, 1985.
- Banfield 1982 – A. Banfield. Unspeakable sentences: Narration and representation in the language of fiction. Boston; London; Melbourne, Henley, 1982.
- Benveniste 1966 – É. Benveniste. De la subjectivité dans le langage // É. Benveniste. Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966. (Рус. перевод: Бенвенист 1974).
- Bhat 2004 – D. N. S. [= Darbhe Narayana Shankara] Bhat. Pronouns. Oxford, 2004.
- Fillmore 1975 – Ch.J. Fillmore. Santa Cruz lectures on deixis. Reproduced by the Indiana University linguistic club. Bloomington (Indiana), 1975.
- Greenberg 1986 – J.H. Greenberg. Introduction: Some reflections on pronominal systems // U. Wiese-mann (ed.). Pronominal systems. Tübingen, 1986.
- Jakobson 1957/1971 – R. Jakobson. Shifters, verbal categories and the Russian verb // R. Jakobson. Selected writings. V. II. The Hague; Paris, 1971. (Рус. перевод: Якобсон 1972).
- Lyons 1968 – J. Lyons. Introduction to theoretical linguistics. Cambridge, 1968.
- Lyons 1977 – J. Lyons. Semantics. V. I–II. Cambridge, 1977. Продолжающаяся пагинация в обоих томах.
- Lyons 1982 – J. Lyons. Deixis and subjectivity: Loquor, ergo sum? // R.J. Jarvella, W. Klein (eds.). Speech, place, and action. New York, 1982.
- Pisani 1953 – V. Pisani. Allgemeine Sprachwissenschaft, Indogermanistik // Forschungsberichte. Bd. 2. Bern, 1953.
- Russel 1940 – B. Russel. An inquiry into meaning and truth. London, 1940.
- Uspensky 1976 – B. Uspensky. The semiotics of the Russian icon. Lisse, 1976.